

СССР в середине 1960-х — начале 1980-х гг.

16. Формирование политического курса нового руководства

При смещении Н.С. Хрущева с постов первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР удалось избежать создания чрезвычайной ситуации, а сама процедура отставки формально не нарушала ни действующую Конституцию, ни партийный устав. Она проводилась гласно, при почти полном совпадении настроений правящей верхушки и простых граждан. Хрущев подписал заявление об отказе от всех постов, утвержденное пленумом ЦК 14 октября 1964 г. Доклад о решении Президиума сделал М.А. Суслов, сосредоточившийся лишь на личных качествах Хрущева, но обошедший его политические провалы. Сам первый секретарь ЦК КПСС не выступал, прений по докладу не открывали. Позднее Хрущев считал своей заслугой, что для его снятия потребовалось всего-навсего решение пленума, а не репрессии, как при Сталине.

Пленум избрал новых руководителей партии и правительства, которые не были столь авторитарны, как Сталин, или столь непредсказуемы, как Хрущев. Первым секретарем ЦК был избран Л.И. Брежнев, Председателем Совета министров СССР — А.Н. Косыгин.

Не последнюю роль в назначении сыграла и военная биография Брежнева: Великую Отечественную войну он прошел от начала до конца, участвовал в одном из самых героических ее эпизодов — битве за Новороссийск, имел боевые ордена. Брежнев уже несколько лет входил в состав высшего руководства страны, хотя по складу

характера был не лидером, а ответственным и надежным исполнителем.

Точка зрения

«В отличие от Сталина или Хрущева, Брежнев не обладал яркими личностными характеристиками. Его трудно назвать крупным политическим деятелем. Он был человеком аппарата и, по существу, слугой аппарата» (А. Бовин).

«Брежнев являл собой прямую противоположность Хрущеву с его смелостью, склонностью к риску, даже авантюре, с его жадной новизны и перемен» (Ф. Бурацкий).

«Если же иметь в виду человеческие качества, то... Брежнев был, в общем-то, неплохим человеком, общительным, устойчивым в своих привязанностях, радужным, хлебосольным хозяином. Любил охоту, домино, кино «про зверушек», радовался доступным ему радостям жизни.

В житейском плане он был добрый человек. В политическом — вряд ли... Ему не хватало образования, культуры, интеллигентности, в общем. В тургеневские времена он был бы хорошим помещиком с большим хлебосольным домом» (А. Бовин).

Отсутствие ярких государственных способностей у Брежнева никого в руководстве страны не смущало. Напротив, именно ординарность человеческих качеств сделала его чуть ли не безальтернативным претендентом, так как давала надежду разным группировкам на манипулирование им, а со временем, возможно, и на замену. Таким образом, выдвижение Брежнева на пост главы партии и фактически правителя государства отвечало интересам и настроениям прежде всего партийной номенклатуры независимо от идейных и политических предпочтений отдельных ее представителей. Задачи же государственной жизни при этом стояли на втором месте.

Пост Председателя Совета министров СССР получил А.Н. Косыгин. Он был одним из самых ярких «сталин-

ких наркомов» — волевым, умным, твердым, энергичным руководителем промышленности. Председателем Президиума Верховного Совета СССР стал Н.В. Подгорный.

Пришедшие к власти лидеры не имели общей платформы. Фактически они были объединены лишь негативным отношением к политике Хрущева, что было заметно даже в докладе, с которым от имени Президиума ЦК КПСС выступил М.А. Сулов на октябрьском пленуме. Отголоски настроений сторонников реформ (А.Н. Косыгина, Ю.В. Андропова) нашли свое отражение в докладе как обвинения в нарушении коллективного стиля руководства и демократических норм работы, в волюнтаризме, создании нового культа личности. В то же время Сулов назвал вопиющим изъяном хрущевских нововведений ослабление партийной цензуры: «Подумайте только, открываю утром «Известия» и не знаю, что там прочитаю!» Консерваторов также возмущали выступления на пленумах ЦК КПСС рядовых членов ЦК (если так можно сказать, простых партийных работников) с теми или иными нотками незначительной критики в адрес секретариата и Президиума ЦК — тем самым якобы нарушались традиции и партийная дисциплина, хотя формально такие выступления уставом партии не запрещались, а, напротив, приветствовались.

Попытка реставрации сталинизма

192

Противоречивость подходов в оценке деятельности Хрущева не позволяла разработать единую и последовательную программу развития страны и даже создать единую руководящую «команду». После октябрьского пленума 1964 г. развернулась решительная (хотя и скрытая даже для большинства членов ЦК) борьба за влияние на главу партии со стороны реформаторов и консерваторов.

В аппарате ЦК, главным образом в его среднем звене, было немало сторонников «курса XX съезда», большинство из которых считали, что смещение Хрущева вызвано именно необходимостью избавления от искривлений этого курса. Деятельность приверженцев подобных подходов была связана с развернувшейся борьбой с

последствиями хрущевского волюнтаризма, а также с началом хозяйственной реформы, делающей упор на развитие рыночных отношений. В сентябре 1965 г. на пленуме ЦК КПСС было объявлено о ликвидации совнархозов и восстановлении отраслевых министерств, а еще раньше началось объединение промышленных и сельскохозяйственных партийно-государственных организаций.

Вместе с тем в кругу новых лидеров выделялся главный организатор свержения Хрущева А.Н. Шелепин, человек относительно молодой, волевой и энергичный. Поддержку ему оказали глава КГБ В.Е. Семичастный и руководитель московской партийной организации Н.Г. Егорычев. В конце 1964 г. Шелепин подал на имя Брежнева записку, в которой была сформулирована программа возвращения к сталинской политике, включая применение репрессий. Взгляды Шелепина, а возможно и его амбиции, находили сочувствие среди влиятельных деятелей из окружения самого Брежнева. Полное осуществление замыслов консерваторов означало бы новую смену власти, т. е. угрожало самому Л.И. Брежневу.

Планы реставрации сталинской модели не остались тайной. Беспокойство сторонников «курса XX съезда» вылилось в индивидуальные и коллективные письма протеста в ЦК КПСС, подписанные рядом известных деятелей науки и культуры. Эти действия были полностью законными, но совершенно немислимыми прежде. Появление открытых голосов протеста против планов части политического руководства было принципиально новым для советской действительности явлением — политической оппозицией, действующей в рамках закона. Все это заставило Брежнева действовать предельно осторожно, применяя мастерски освоенный им за годы своей аппаратной карьеры инструмент тайных интриг и лавирования между враждующими группировками.

Политические предпочтения Брежнева проявились во время празднования 20-летия Победы в Великой Отечественной войне в мае 1965 г. Впервые за 10 лет в положительном смысле было упомянуто имя Сталина как организатора Победы. Реакция аудиторией была не-

ожиданной — овации продолжались несколько минут, что наилучшим образом характеризовало настроения партноменклатуры. Через год на XXIII съезде КПСС глава московских коммунистов Егорычев уже открыто выразил неудовольствие по поводу разоблачений «мнимых ужасов сталинизма», и снова зал аплодировал стоя.

Однако в реальной жизни возвращение сталинских реалий происходило весьма робко и в основном в символических формах: Президиум ЦК был переименован в Политбюро ЦК, а глава партии стал называться генеральным секретарем (как Сталин), а не первым секретарем (как Хрущев). Но из числа радикальных требований консерваторов было удовлетворено лишь одно — из устава партии на XXIII съезде устранялись указания о нормах ротации партийных кадров. С помощью этой меры обеспечивалось практически бессменное пребывание у власти всего секретарского корпуса. Последствия же этого закономерно проявились через десяток лет, когда во главе СССР оказалась пресловутая «геронтократия» (власть стариков).

Нерешительность Брежнева все больше раздражала просталинскую группировку, а настроения в партийных верхах вдохновляли ее на активность. Осенью 1965 г. соратник Шелепина глава КГБ Семичастный осмелился на самостоятельные политические действия в духе 1930—1940-х гг. Были арестованы писатели А.Д. Синавский и Ю.М. Даниэль, инициирован судебный процесс по обвинению их в антисоветской деятельности. Это было вызовом не только либеральным настроениям внутри страны и за рубежом, но и самому Брежневу: создавался прецедент политической бесконтрольности сталинистов с явным прицелом на всю власть. Однако действия КГБ вызвали непредвиденную инициаторами реакцию — публичные протесты интеллигенции. Помимо писем в ЦК КПСС, произошло новое и неожиданное явление — 5 декабря 1965 г., в День Конституции СССР, на Пушкинской площади в Москве состоялся митинг под лозунгами «Уважайте советскую Конституцию» и «Требуем гласности суда». Это была первая открытая

политическая демонстрация в СССР после 7 ноября 1927 г.

Действия протестующих находились всецело в рамках закона, поэтому применение против них статьи Уголовного кодекса об антисоветской агитации и пропаганде (по которой были осуждены Даниэль и Синявский) было невозможно без нарушения законности. В сентябре 1966 г. в Уголовный кодекс вводятся три новые статьи — 190-прим («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй»), 190-прим-прим («оскорбление флага или герба») и 190-прим-прим-прим («групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок»). Дальнейшее развитие событий можно сравнить с цепной реакцией: репрессии против тех, кто наиболее активно протестовал, протесты против этих репрессий, новые репрессии и соответственно новые протесты... Участников движения протеста стали называть диссидентами, а само движение — диссидентским. Размах этих протестов был сравнительно невелик (так, письма против осуждения наиболее активных защитников Синявского и Даниэля подписали 738 человек), однако они вызвали значительный резонанс в зарубежной прессе и стали предметом активных обсуждений среди советской интеллигенции.

Как это было

195

Сведения о числе лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, за период с 1956 по 1987 г.

Годы	Осуждено по			В среднем осуждений за год
	ст. 70 УК РСФСР	ст. 190 УК РСФСР	обем статьям	
1956—1960	4676	—	4676	935,2
В том числе:				
1957	1964	—	1964	1964
1958	1416	—	1416	1416

Продолжение

Годы	Осуждено по			В среднем осуждений за год
	ст. 70 УК РСФСР	ст. 190 УК РСФСР	обеим статьям	
1961—1965	1072	—	1072	214,4
1966—1970	295	384	697	135,8
1971—1975	276	527	893	160,6
1976—1980	62	285	347	69,4
1981—1985	150	390	540	108
1986—1987	11	17	28	14
Итого	6543	1609	8152	254,8

Как легко заметить, масштаб применения уголовной репрессии против инакомыслящих в годы правления Л. И. Брежнева по сравнению с периодом «оттепели» уменьшился. Границы свободы в обществе фактически стали шире, чем они были.

Другой эпизод, малоприметный внешне, но таящий серьезную для Брежнева угрозу, был связан с именем еще одного шелепинского единомышленника — Н.Г. Егорычева. В июне 1967 г. на пленуме ЦК он подверг резкой критике состояние обороны страны, что должно было бы явиться поводом для выражения недовольства брежневской политикой в целом.

Курс Л.И. Брежнева

Инстинкт политического самосохранения требовал от Брежнева удаления сталинистов из руководства страны. Брежнев сделал это умело. Под предлогом слабой работы спецслужб, не сумевших предотвратить бегство дочери Сталина Светланы Аллилуевой на Запад, был снят со своего поста председатель КГБ Семичастный. Затем возглавляющего могущественную московскую городскую организацию КПСС Егорычева перевели на дипломатическую работу — назначили послом в Данию. А в сен-

тябре 1967 г. от обязанностей секретаря ЦК был освобожден и Шелепин. Его назначили на малоприметную должность главы профсоюзов СССР.

Отныне Брежнев мог чувствовать себя вполне уверенно: выбывших из руководства деятелей заменили люди, которых он близко знал и которым всецело доверял.

Неопределенность настроений в правящей верхушке объективно вытекала из противоречивых ожиданий всего советского общества. Большинство советских людей верили, что развитие Советского Союза происходило до сих пор беспрецедентно успешно, и мечтали, чтобы эти успехи преумножились. Но одновременно практически все понимали, что платой за эти достижения была предельная мобилизация всех сил, беспрекословное подчинение отдельных личностей воле государства, безропотная готовность к тяжким лишениям.

Можно смело сказать, что в период между 1965—1985 гг. сама коммунистическая партия радикально изменила свой характер. Ее численность достигла 19 млн человек. Теперь в нее входило более половины граждан, имевших среднее образование. Членство в партии перестало походить на участие в революционной организации.

Однако взять курс на новый мобилизационный рывок было невозможно без ясной, четко сформулированной, понятной и одобряемой большинством высокой цели, значимость которой могла бы оправдать жертвенные усилия. Попытка Хрущева объявить такой целью непосредственное построение коммунизма в отдельно взятой стране оказалась лишенной общественного доверия: тем самым партийное руководство завело в тупик всю советскую идеологию. Полвека непрерывных усилий дискредитировали самую суть *мобилизационного проекта*. Начало брежневского правления как раз и было отмечено поиском такой стратегии, которая позволила бы ослабить гнет неимоверных усилий. Основная идея, на которой фактически сошлись новые руководители страны, была проста: без сверхнапряжений развиваться на уже сформировавшейся основе, ничего принципи-

ально не меняя. Стабильность становится главным лозунгом государственного курса, а идеологическое оформление эта политика находит в «концепции развитого социализма», разработка которой и открывает этап собственно брежневского правления.

■ *Документы эпохи*

— Биографическая справка —

Леонид Ильич Брежнев. Брежнев родился в 1906 г. в семье рабочего-металлурга. В ранней юности он учился в гимназии, ставшей после революции трудовой школой, позже закончил землеустроительный техникум в Курске и только в 25 лет вступил в партию. Окончив институт, начал политическую карьеру. В мае 1937 г. Брежнев становится заместителем председателя исполкома горсовета Днепродзержинска, в период Великой Отечественной войны и до 1946 г. он заместитель начальника политуправления фронта, начальник политотдела армии, начальник политуправления фронта, округа. Затем Брежнев возвращается на гражданскую партийную работу, становясь в 1946 г. первым секретарем Запорожского, а в 1947 г. Днепропетровского обкомов Компартии Украины. Последующая карьера Л.И. Брежнева проходит при самой активной поддержке Н.С. Хрущева, тогдашнего секретаря ЦК Компартии Украины, а затем и секретаря ЦК ВКП(б). После XIX съезда партии Брежнев становится кандидатом в члены Президиума ЦК, секретарем ЦК КПСС, а после смерти Сталина оказывается в Главном политуправлении Советской армии и ВМФ. В феврале 1954 г. он избирается сначала вторым, а затем и первым секретарем Компартии Казахстана. В 1956 г. Брежнев вновь кандидат в члены Президиума ЦК и секретарь ЦК КПСС. В 1958 г., после устранения с политической арены всех соперников Хрущева, он назначается заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, затем с мая 1960 по июль 1964 г. является председателем Президиума Верховного Совета СССР, причем с июня он одновременно и секретарь ЦК. Таким образом, к октябрьскому (1964) пленуму ЦК Брежнев был вторым лицом в партии и государстве, что, конечно же, облегчило ему захват власти. Умер Брежнев в 1982 г.

— Биографическая справка —

Алексей Николаевич Косыгин. Косыгин родился в 1904 г., в 1935 г. окончил Ленинградский текстильный институт. В 1938 г. он был уже на посту заведующего промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б), с 1939 г. — членом ЦК ВКП(б). С осени 1941 г. и на протяжении всего 1942 г. был заместителем председателя Совета по эвакуации.

Косыгин был тесно связан с такими партийными и государственными руководителями, как Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, которые были арестованы по сфабрикованному «ленинградскому делу». Но Косыгин уцелел.

С 1953 по 1960 г. Косыгин был министром легкой и пищевой промышленности. В 1960 г. стал членом Президиума ЦК КПСС, первым заместителем председателя Совета министров СССР и фактическим руководителем всей системы промышленного производства и планирования в СССР. С 1964 по 1980 г. был председателем Совета министров СССР. Умер в 1980 г., вскоре после освобождения от должности по состоянию здоровья.

17. Экономическая политика: попытки реформ и отказ от коренных преобразований

Поиски новой хозяйственной модели велись советскими экономистами уже с конца 1950-х гг. **Суть намерений состояла в том, чтобы жесткую систему единого государственного планирования сделать более гибкой посредством включения в нее элементов рыночного стимулирования. При этом главной задачей становилось повышение материальной заинтересованности производителей результатами своего труда.** Решающим показателем эффективности работы рассматривался уже не традиционный объем валового производства, а полученная в результате сбыта произведенных товаров прибыль. Таким образом, предприятие и каждый его отдельный работник нацеливались на изготовление только той продукции, которая удовлетворяла бы потребителей, а не на производство нередко не востребованных на рынке товаров.

Главное преимущество социалистического хозяйства усматривалось в создании системы единого государственного планирования всех сфер производства и распределения, которое не должно было допустить присущих капитализму кризисов перепроизводства, скачкообразности и вытекающих из этого социальных потрясений. Фундаментальным постулатом всего марксистско-ленинского учения являлась идея, что социализм — это общество, свободное от кризисов. Считалось, что достичь стабильного поступательного развития можно только за счет введения государственной монополии на все производственные ресурсы (мобилизация ресурсов), сведя к минимуму, а в идеале полностью ликвидировав любые проявления рыночной стихии, например товарно-денежные отношения. Социалистическая экономика позволяла сосредоточивать огромные инвестиции на стратегических направлениях экономического развития, причем делать это, не заботясь, как правило, о краткосрочном экономическом эффекте. Наиболее отчетливо это проявлялось в экстремальных ситуациях, когда возникали угрозы государственным интересам.

Точка зрения

Система контроля, созданная в сталинские времена, продемонстрировала свою эффективность и обеспечила бесспорные успехи в ходе индустриализации, в годы войны, в период послевоенного возрождения. Это оказалось возможным, во-первых, потому, что сам объект контроля был относительно простым — почти все экономические задачи так или иначе сводились к главной — проблеме обороноспособности страны. Во-вторых, выбор средств контроля практически не знал границ — его осуществляли все государственные органы, включая правоохранительные и госбезопасности, причем всеми своими методами. В-третьих, вся эта система была сверхцентрализованной, т. е. сама контролировалась лично Сталиным.

Однако в условиях появившейся после Победы перспективы длительного мирного периода задачи экономичес-

кого развития стали более разнообразными. Они были сформулированы в виде «основного экономического закона социализма». Этот «закон» гласил, что целью производства при социализме является удовлетворение постоянно возрастающих потребностей трудящихся. Таким образом, был утвержден главный критерий оценки эффективности социалистического строя — его способность удовлетворить личные потребности каждого человека. Но нельзя не заметить, что учет этих потребностей попросту противоречит логике мобилизационных усилий.

В то же время с уходом в историческое небытие сталинизма вся система контроля постепенно утрачивает всепроникающую централизованность, в том числе и благодаря хрущевской политике борьбы с ведомствами и органами госбезопасности. И наконец, сами методы контроля стали гораздо мягче и не способны уже были держать людей в прежнем страхе и напряжении. Главной мотивацией трудовых успехов оставались, следовательно, лишь, во-первых, «идейность» и сознательность трудящихся, во-вторых, растущее материальное стимулирование работников.

Коммунисты представляли социалистическую экономику в виде гигантской централизованно управляемой «фабрики», которая работает на плановой основе и находится в общественной собственности.

Фундаментом советской экономики были предприятия, находящиеся в государственной собственности — главной форме общественной социалистической собственности, как гласила Конституция СССР. Другую форму социалистической собственности составляли коллективные хозяйства. Колхозы являлись основным видом предприятий в советском сельском хозяйстве. Частная собственность на средства производства в СССР не допускалась.

Коллективная и государственная собственность различались между собой только формально. Имущество колхоза, за исключением земли, которая была собствен-

ностью государства, принадлежало коллективу крестьян. А имущество государственных предприятий принадлежало «всему народу». Отсюда различия в порядке управления. Руководителей госпредприятий назначали органы государственного управления (министерства и ведомства), а председателей колхозов выбирал коллектив.

Но на самом деле никаких принципиальных отличий ни в собственности, ни в порядке управления не существовало. Выборы председателя колхоза, как и все выборы в СССР, были пустой формальностью. Его кандидатуру представлял райком КПСС, а колхозники утверждали ее на своем собрании. Утверждали практически всегда. И председатели колхозов, и директора промышленных предприятий входили в номенклатуру соответствующих комитетов КПСС и полностью зависели от партии.

Советская экономика управлялась на основе процесса директивного планирования. Один раз в 5 лет сначала очередной съезд КПСС, а затем сессия Верховного Совета утверждали план пятилетнего экономического развития страны. План определял те показатели, которых союзные и республиканские министерства и ведомства, государственные предприятия и колхозы должны добиться в течение предстоящей пятилетки.

Подготовкой пятилетнего плана и разработкой на его основе годовых планов для предприятий занимался особый орган управления — Госплан. Предприятия обязаны были достичь запланированных показателей. Их снабжение всеми необходимыми ресурсами также осуществлялось централизованно через другой орган управления — Госснаб.

Предприятия СССР торговали друг с другом и продавали свои товары населению. Но это не было рыночной торговлей. Цены на продукцию устанавливало государство, оно же определяло объемы производства и направление товарных потоков. Проще говоря, оно решало, в каком объеме и кому будет продана продукция того или иного назначения.

В отличие от стран с рыночной экономикой в СССР извлечение прибыли не было главным мотивом хозяй-

ственной деятельности предприятий. Они управлялись и стимулировались к выполнению планов исключительно административными методами. И хотя невыполнение плана могло сказаться на размерах получаемых сотрудниками премий, главным его последствием руководитель считал угрозу своей карьере.

За ходом выполнения планов следили не только министерства и ведомства СССР, но и их дублирующие комитеты КПСС. В каждом территориальном партийном комитете обязательно имелись промышленный и сельскохозяйственный отделы, которые отвечали за выполнение планов. Поскольку руководители абсолютного большинства предприятий и организаций были членами КПСС, выполнение планов считалось не только административной, но и партийной обязанностью. К числу крайне неблагоприятных последствий для командной экономики следует отнести замедление научно-технической революции (НТР) — нацеленности производства на внедрение научных достижений. За два послевоенных десятилетия во всех без исключения хозяйственных отраслях развитых стран мира произошел стремительный скачок роста производительности труда. Интенсификация проявлялась не только в более совершенном оснащении производства, применении новых материалов и в улучшении качества продукции. Полностью изменялся весь производственный процесс, он становился более гибким, способным к постоянному обновлению.

В Советском Союзе подобное проявлялось очень слабо и лишь в малой степени. Причина заключалась отнюдь не в отсутствии научно-технических достижений. Напротив, советская фундаментальная наука в те времена буквально ошеломила весь мир своими успехами. Но для внедрения этих достижений в массовое производство требовалась соответствующая мотивация — личная заинтересованность работника. Страх перед наказанием, характерный для сталинской эпохи, стал уходить в прошлое, а надежды на то, что сознательность станет массовым явлением, связывались с будущим. Следовательно, личный интерес, основывающийся на принци-

пах мобилизационной системы, не мог стать фактором качественного изменения советской экономики.

Плановая экономика практически не стимулировала к эффективной работе ни отдельных работников, ни предприятия в целом. Несмотря на то что в ходу был такой экономический рычаг, как премирование за успехи в работе, советская система в большей мере ориентировалась на ограничение уровня экономического неравенства. Стремление не дать заработать больше, чем положено, вполне соответствовало принципам коммунистической идеологии. Но это приводило к тому, что советский гражданин легально почти никак не мог значительно повысить уровень своих доходов. Размеры его зарплаты и возможных премий были четко определены. И каких бы успехов он ни достигал, это мало сказывалось на его доходах.

Таким образом, **новые политические цели, экономические ориентиры и задачи, основанные на материальных стимулах, проблемы управления грандиозной хозяйственной машиной, недостаточная эффективность прежних трудовых мотиваций и, наконец, наметившиеся негативные тенденции развития общества, «лишившегося кнута и не получившего пряника»** — в целом все это побуждало новое советское руководство к проведению масштабных реформ, затрагивающих самые основы командной экономики. Альтернативой такому пути было отставание в мировом соревновании.

«Косыгинская реформа»

Обвиняя Хрущева в волюнтаризме, новое руководство провозгласило научный подход к экономике. При этом столкнулись две линии: на применение экономических (рынок, хозрасчет, материальная заинтересованность предприятий и трудящихся) и административных (улучшение хозяйственного механизма) методов. Экономическая реформа 1965 г. стала компромиссом между ними.

В промышленности было восстановлено отраслевое управление, но при этом предполагалось, что основным звеном производства станет хозрасчетное предприятие

(самостоятельное, самокупаемое и самофинансируемое). Основные фонды предприятия оставались в государственной собственности, и предприятия должны были вносить за них государству арендную плату. Топливо, энергию и сырье предприятиям предстояло покупать. Это должно было побудить директоров экономить топливо, энергию и сырье. Главным показателем эффективности стал объем реализованной продукции, на основе его формировалась прибыль предприятия, из которой после уплаты налогов и других отчислений государству образовывались фонды развития производства, материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Этими фондами распоряджалась дирекция предприятия. Таким образом, производитель оказывался в непосредственной зависимости от спроса на произведенную им продукцию. От этого же зависела и зарплата работников, которые могли получать денежные премии из фондов материального поощрения.

Планирование производства теперь предлагалось начинать «снизу»: дирекция предприятия сама намечала цифры плана, номенклатуру (перечень) изделий и фонд заработной платы, однако эти цифры уточнялись и утверждались Госпланом и после принятия Закона о пятилетнем плане Верховным Советом СССР становились обязательными для предприятия. Было сокращено количество планируемых показателей. Теперь «сверху» диктовались только общий объем произведенной продукции в денежном выражении, номенклатура важнейших изделий и общий фонд заработной платы. Изменение планов запрещалось.

В сельском хозяйстве также декларировался научно обоснованный подход. В марте 1965 г. пленум ЦК в очередной раз обсудил вопрос о «дальнейшем развитии сельского хозяйства». Колхозы и совхозы получили невиданную прежде самостоятельность в рамках государственных плановых заданий. Сам план был снижен и объявлен неизменным на последующие 10 лет. Закупочные цены повышались в 1,5—2 раза, а сверхплановые поставки должны были осуществляться по повышенным

ценам. Кроме того, с колхозов и совхозов списывались долги, а цены на технику и запчасти снижались. Количество показателей, по которым хозяйства отчитывались перед государством, резко уменьшалось.

С целью повышения материальной заинтересованности колхозников трудодень был заменен ежемесячной гарантированной оплатой деньгами и продуктами по нормам, действовавшим в совхозах.

Точка зрения

Институт «Гидропроект» разработал грандиозный план переброски части стока северных рек (Северной Двины, Печоры, Оби, Иртыша) на юг, строительства новых каналов (Дунай — Днепр, Волга — Чограй, Иртыш — Караганда) для орошения новых пахотных земель и обводнения пастбищ на юге. После длительной борьбы планы, угрожавшие колоссальными затратами и непредсказуемыми экологическими последствиями, были сначала заморожены, а в конце 1980-х гг. совсем оставлены.

В конце ноября 1969 г. III Всесоюзный съезд колхозников принял новый Примерный устав колхоза, где декларировалось расширение самостоятельности хозяйств. Однако эти меры опоздали. Из 15 лет 8 были неурожайными: 1969, 1972, 1974, 1975, 1979, 1980, 1981, 1984 гг. Причинами неурожаяев были не только природные бедствия: заморозки, страшнейшие засухи, «пыльные бури» на чрезмерно распаханых южных землях и т. д., но и устаревшая организация труда.

Тяжелым ручным трудом было занято около 70% работающих в сельском хозяйстве. Рабочих рук на селе по-прежнему не хватало. В конце 1970-х гг. в связи с нехваткой рабочей силы был разработан новый план централизации сельскохозяйственного производства. Было намечено ликвидировать 200 тыс. «неперспективных деревень». В них закрывались школы, лавки, клубы. Судьба их жителей не слишком волновала власти. С 1972 г. возобновилась все более возрастающая покупка зерна за рубежом.

Экономическая реформа проводилась с чрезвычайной осторожностью и оглядкой на идеологию: в 1966 г. лишь 43 предприятия перешли на хозрасчет, в следующем — 7 тыс., в совокупности они производили около 40% промышленной продукции страны. Только к концу восьмой пятилетки (1966—1970) новые условия были внедрены в подавляющую часть промышленных предприятий, охватили транспорт и некоторые другие отрасли народного хозяйства.

Хотя нерешительность и консерватизм не позволили замыслу реформаторов раскрыться до конца, определенные достижения к концу 1960-х гг. были налицо. В сельском хозяйстве эффект от этих нововведений проявился уже в 1966 г.: доходы колхозов и совхозов выросли на 15%, что стимулировало и общий рост сельскохозяйственного производства. В целом восьмая пятилетка вошла в историю СССР как самая успешная со сталинских времен: объем сельскохозяйственного производства вырос на 21% (вместо 12% в предыдущем пятилетии), в промышленности рост составил 50,5%, доходы населения выросли в 1,5 раза.

Большим успехом можно считать завершение формирования единой энергетической системы СССР, что создало весомую предпосылку для интенсификации всего народного хозяйства страны. Советский Союз заметно повысил свою конкурентоспособность на внешнем рынке. Отечественные автомобили, строительная и сельскохозяйственная техника, пассажирские самолеты, некоторые потребительские изделия (наручные часы, любительская фотоаппаратура) и многие другие товары стали пользоваться спросом не только в социалистических, но и в ряде развитых капиталистических стран.

Сохранение административно-командной системы

Вместе с тем коренного перелома в характере развития советской экономики не произошло: ее рост по-прежнему обеспечивался преимущественно не за счет заметного повышения производительности труда (интен-

сивности), а за счет вовлечения в производство все новых ресурсов (экстенсивности). Главная причина сложностей реализации реформы А.Н. Косыгина заключалась в противодействии преобразованиям со стороны консервативно настроенных руководителей. Примером тому может послужить начатый в 1967 г. на Щекинском химическом комбинате в Тульской области эксперимент: было разрешено сокращать излишний персонал, а часть заработной платы уволенных распределять между оставшимися. В результате численность работников за 2 года сократилась с 6 до 5 тыс. человек, а выпуск продукции, наоборот, увеличился на 80%. Эксперимент тем не менее был прекращен, так как он напугал, *во-первых*, угрозой появления безработицы, а *во-вторых*, страхом перед бесконтрольным использованием государственных средств.

Вторая причина неудачи реформы вытекала из ограниченности самого ее замысла. Расчеты на то, что в условиях государственной монополии рынок станет безусловным стимулом качественного производства, оказались неоправданными. Многие предприятия очень быстро усвоили, что добиться увеличения прибыли можно с помощью разного рода уловок (например, путем искусственного повышения цен, экономии на материалах, упрощения технологии производства под видом его рационализации и т. п.). В результате качество продукции в ряде случаев не только не улучшилось, но зачастую ухудшилось, и одновременно включились инфляционные процессы, ударившие по потребительской корзине производителя.

Ущербность реформы проявилась также в стремительном нарастании противоречий интересов различных хозяйственных групп. Яблоком раздора стали ресурсы, собственность на которые оставалась государственной монополией, но в использовании которых открылись более широкие (и зачастую корыстные) возможности для распоряжения ими со стороны директорского корпуса, отраслевой бюрократии (министерств), местных руководителей и, наконец, партийного аппарата. Как следствие, происходило «размывание» ответственности за ис-

пользование государственного богатства, а значит, общее снижение эффективности плановой системы производства и распределения, появление почвы для роста теневой экономики.

Явной непродуманностью можно объяснить и такую характерную черту реформы, как курс на строительство сверхмощных заводов. «Обласканные» прессой и народом индустриальные гиганты весьма быстро превратились в монополистов, противопоставивших себя альтернативному производству, обеспечивая невозможность состязания качественных товаров. В результате потребитель лишился выбора. Одно лишь это обстоятельство ставило под вопрос продолжение рыночной реформы, так как рынок немислим без конкуренции.

Ввиду всех этих обстоятельств «косыгинская реформа» не сумела предотвратить появления к концу 1960-х гг. объективных негативных тенденций в советской экономике, ведущих к замедлению темпов ее развития. Внешним поводом для фактического отказа от продолжения экономической реформы стали политические кризисы весной и летом 1968 г. в Чехословакии и ряде других социалистических стран, где на фоне рыночных преобразований возникла реальная угроза самому существованию социалистического строя. В свете этих событий судьба реформы была решена окончательно, хотя никто ее формально не отменял и основные ее положения не пересматривал.

Значение неудачи экономической реформы состоит прежде всего в том, что в очередной раз оказалась скомпрометирована идея преобразований в обществе. Возобладание политического курса на стабильность (определившееся к этому времени окончательно) исключило едва ли не любые мероприятия, последствия которых могли бы создать угрозу изменению привычной обстановки.

«Застой»

Мощный потенциал советской экономики, ее успехи в недалеком прошлом вселяли уверенность, что возникшие трудности носят временный характер. К этому вре-

мени на территории СССР были обнаружены новые ресурсы, открывающие возможность экстенсивного развития, в виде гигантских запасов нефти, газа, цветных металлов и т. п. Все это и предопределило установившийся в 1970-е гг. социально-экономический «застой» в стране.

Переход к «застою» был отмечен провозглашением курса на «совершенствование хозяйственного механизма». Внешне этот курс мало отличался от прежнего. Ставились те же задачи — развитие хозрасчета, материального стимулирования, обращение производства к нуждам трудящихся и т. д. Однако на практике это выразилось в усилении централизованного управления и возврате к показателям, ориентирующим на количественный, но не качественный рост производства. В планах девятой (1971—1975) и десятой (1976—1980) пятилеток задача наращивания темпов роста уже не ставилась, предполагалось лишь увеличение общего объема продукции. В итоге за девятую пятилетку валовой объем промышленного производства вырос на 43%, за десятую — на 24%, в сельском хозяйстве соответственно — на 13% и на 9%. При этом плановые задания пятилеток не были выполнены: в девятой пятилетке выполнение плана в промышленности составило 91% (в сельском хозяйстве — 68%), в десятой — 67% (в сельском хозяйстве — 56%). Таким образом, в 1970-е гг. советская экономика опустилась до уровня простого воспроизводства, который был способен в лучшем случае удовлетворить уже сложившиеся потребности населения.

Между тем запросы людей постепенно росли и вступали во все более острое противоречие с возможностями отечественной экономики. Результатом этого стал хронический дефицит промышленных и продовольственных товаров, затрагивающий часто и товары первой необходимости. Хуже всего с товарным снабжением дела обстояли в отдаленных от Центра регионах РСФСР — в Сибири, на Севере, Урале и Дальнем Востоке. Здесь уже в конце 1970-х гг. наблюдались отдельные попытки введения продажи некоторых видов продовольствия по талонам и только отдельным категориям населения

(кормящим матерям, ветеранам войны, людям, страдающим серьезными заболеваниями, и т. п.). В начале 1980-х гг. такая ситуация стала практически нормой для большинства регионов страны, включая большинство республик. «Островками» весьма относительного благополучия оставались Москва, Ленинград, столицы союзных республик и некоторые другие города, включая так называемые наукограды (например, подмосковный Калининград, ныне Королев, и др.) и «закрытые» города, работавшие на оборонную промышленность, — Арзамас-16, Челябинск-40 и т. д.

Не последнюю роль в создании такой ситуации сыграли и сложившиеся диспропорции в советской экономике, связанные с усиливающейся гонкой вооружений. Военная мощь СССР, безусловно, была необходимым сдерживающим фактором мировой стабильности, однако расходы на оборону (как минимум, пятая часть всего валового национального продукта) зачастую были неоправданны, так как вносились в производство устаревших видов оружия или способствовали избыточному накоплению ядерного потенциала. Все это отвлекало средства и усилия от задач интенсификации «гражданского» производства.

Отказ от реформ неизбежно подталкивал к рутинному решению социально-экономических проблем: отсутствие качественных товаров и продовольствия собственного производства начинает восполняться все нарастающим импортом. Советский Союз стал крупнейшим в мире импортером зерна, опередив даже традиционно ввозящую зерно Японию:

Импорт зерна СССР и Японией (млн т)

Год	СССР	Япония
1970	2,2	15,8
1975	15,9	19,0
1980	29,4	24,7
1983	33,9	25,5
1984	46,0	27,2
1985	45,6	26,9

К середине 1980-х гг. каждая третья тонна хлебопродуктов производилась из импортного зерна. На зерновом импорте базировалось производство животноводческой продукции. СССР был вынужден заключать долгосрочные соглашения о поставках зерна, взять обязательства ежегодно закупать не менее 9 млн т в США, 5 млн т в Канаде, 4 млн т в Аргентине.

Источниками валютных средств для закупок за рубежом становятся золотовалютные резервы, внешние займы и доходы от экспорта. Использование золотых запасов в брежневские времена было относительно редким явлением. Главная ставка была сделана на повышение прибыльности от внешней торговли. Проще всего завоевать себе место на внешнем рынке можно было с помощью вывоза топлива и полезных ископаемых.

Во время мирового экономического кризиса 1973 г. в результате повышения мировых цен на нефть в 20 раз, на сырье в 8—10 раз СССР получил значительные доходы. На выручку от продажи сырья и топлива закупались товары массового потребления и оборудование для их производства.

В связи с этим главным приоритетом промышленного развития в 1970-е гг. становится добывающий, в первую очередь топливно-энергетический, комплекс. В Западной Сибири еще в 1960-е гг. были обнаружены гигантские запасы нефти и газа. С 1969 г. специальным решением ЦК КПСС и Совета министров СССР начинается ускоренное развитие нефте- и газодобычи. За 10 лет объемы добываемой нефти выросли здесь в 10 раз. Одновременно стремительный рост происходил и в других отраслях сырьевого производства — угольной, лесопромышленной, добыче и обработке цветных металлов. Затраты на поддержание этих приоритетов постоянно росли, так как требовалось создание в глухих сибирских районах приемлемой социальной инфраструктуры, а главное, развитие транспортной системы. В 1974 г. практически с нуля начинается грандиозное строительство Байкало-Амурской магистрали, продолжавшееся 10 лет. Все эти мероприятия можно было бы рассматривать как полез-

ные и положительные, если бы они проводились не за счет отставания тех отраслей, которые определяли научно-технический прогресс, — электроники, машиностроения, робототехники и др.

Таким образом, политика периода «застоя» чрезвычайно осложнила решение объективной задачи перехода советской экономики к интенсивному развитию. Наряду со старыми проблемами накапливались новые, но стареющие советские руководители во главе с Брежневым предпочитали не доискиваться до глубинных причин происходящего, да и саму действительность воспринимали во все более искаженном виде.

18. Внутренняя политика: курс на стабильность. «Геронтократия» (власть стариков)

С течением времени все большее развитие в СССР начинает приобретать номенклатура. Изначально этот социальный слой был достаточно ограничен — государственные служащие буквально поименно (номенклатурно) вносились в специальный список, попасть в который, по замыслу, могли лишь наиболее достойные. Список этот и назывался «номенклатура». Реально списков было много в зависимости от того, решением какого партийного органа осуществлялось назначение или снятие: номенклатура Политбюро ЦК (назначение на должность осуществляется решением Политбюро), номенклатура Секретариата ЦК и так вплоть до номенклатуры райкома (ниже списки не велись). Со временем номенклатура становилась все более похожей на традиционную бюрократию, число ее представителей стремительно увеличивалось. Формально включение той или иной должности в номенклатурный реестр означало, что подбор кадров на эту должность осуществляется по политическим (а не каким-либо иным) качествам, главным из которых считалась преданность партии. Со временем «преданность партии», по сути, стала означать личную преданность тому или иному партийному руководителю.

В итоге подбор кадров велся не на основе профессиональных качеств и достижений, а на основе умения кандидатов устанавливать отношения с вышестоящими лицами, заводить связи в партийных инстанциях.

Номенклатура стала собирательным названием руководящего слоя. У номенклатуры формировались особые интересы, которые часто не совпадали ни с объективными государственными интересами, ни с интересами остальной части общества.

Нарастающее противоречие между коммунистическими идеалами, согласно которым представители власти являлись «слугами народа», и действительностью в сталинские времена парадоксальным образом частично помогали разрешить «чистки», серьезно затрагивающие номенклатуру. Получалось, что неотвратимость действия социалистических принципов гарантировало лишь наличие «справедливого» вождя. Вместе с тем развитие и укрепление государственного механизма объективно вело к еще большей бюрократизации всей жизни советского общества.

Точка зрения

Марксистская теория, ставшая фундаментом советской государственной идеологии, хотя и провозглашала себя материалистической, во многом основывалась на очень простых и широко распространенных идеалистических представлениях эпохи Просвещения, что силой человеческого разума можно построить справедливое общество, где в отношениях между людьми не было бы корысти, насилия и эксплуатации. Источниками всех этих бед объявлялись частная собственность и государство, которое по своей природе и назначению представляет собой аппарат насилия. В идеальном обществе жизнь должна определяться исключительно интересами людей, объединенных в общины — коммуны (отсюда коммунизм). Таким образом, путь к идеалу должен был лежать через последовательное уничтожение всех силовых атрибутов государства (армия, полиция, тюрьмы), а также через полную ликвидацию той социальной про-

слойки, которая призвана обслуживать государственную власть, — бюрократии.

Однако вся история строительства социализма в СССР вступала в вопиющее противоречие с фундаментальными выводами марксизма о неизбежности отмирания государства. Попытки примирить это противоречие заставили Ленина и его последователей прибегнуть к множеству оговорок, рисующих Советское государство как государство принципиально «нового типа», главным назначением которого является решение экономических задач. Диктатуру, насилие в этом государстве будет осуществлять не меньшинство населения над большинством, как во всех известных типах государства, а пролетариат в союзе с трудовым крестьянством («диктатура пролетариата»), т. е. подавляющее большинство народа. Кроме того, это будет продолжаться временно, лишь до вступления в «полный» социализм. Идеологическое противоречие таким образом удалось заметно смягчить, тем более что состав «слуг» такого государства «нового типа» долгое время действительно во многом формировался из рабочих и крестьян.

Со смертью Сталина исчезли последние препятствия для превращения номенклатуры из «сферы обслуживания» государственной власти в самостоятельную общественную и политическую силу, претендующую на полное овладение этой властью. Положение осложнилось еще и тем, что внутри правящей верхушки произошло выделение отдельных групп на основе различных государственных ведомств и структур. Между ними развернулась борьба за руководство государственной жизнью, получившая выражение в виде заговоров, интриг, создания различных кланов, чаще всего на основе личных интересов и амбиций. Даже в сознании простых людей Советское государство все больше связывается не с коммунистическими идеалами, а с интересами бюрократии.

Энергетический заряд, содержащийся в марксистско-ленинской идеологии, оказался в конечном счете во второй половине 1960-х гг. на грани исчезновения.

Это проявилось в очевидном спаде массового трудового энтузиазма, росте социальной апатии, все более широком распространении «идейно чуждых» явлений и т. п. Главной задачей в идеологии становится формирование у трудящихся веры в чудотворные возможности советского строя. Эту задачу призвана была решить идея развернутого строительства коммунизма, обещавшая воплощение марксистско-ленинских предсказаний. Снова получает развитие основополагающий тезис марксистской теории об отмирании государства при коммунизме. Это означало: дни бюрократии сочтены и трудящийся человек скоро обретет полную свободу от привилегированной номенклатуры.

Между тем курс на строительство коммунизма предполагал осуществление и таких мер, которые привносили в жизнь многих простых граждан серьезные проблемы: ликвидация подсобных хозяйств, новая волна борьбы с религией, возобновление жесткого контроля над деятельностью творческой интеллигенции и т. д. Результатом этого становится дальнейшее углубление идеологического кризиса. Важнейшим обстоятельством стало то, что Л. И. Брежнев был поставлен у руля государственной власти именно *партийной бюрократией*.

Развитой социализм

216

В декабре 1966 г. в главной советской газете «Правда» появилась статья Ф.М. Бурлацкого «О строительстве развитого социалистического общества». Оформлялась новая идеологическая концепция: завершение полного построения социализма (о чем было объявлено на XXI съезде КПСС) знаменует новый длительный период социалистического развития — стадия развитого социализма. Вступление в коммунизм как бы *откладывалось на неопределенный срок*. Провозглашалось, что развитой социализм — это закономерный и необходимый этап, в ходе которого в полной мере реализуются преимущества социалистического строя. В 1967 г. о построении в СССР развитого социализма было сказано уже самим Брежневым в речи по случаю 50-летия Октября-

ской революции, а окончательно этот вывод был закреплён на XXIV съезде партии в 1971 г.

Концепция развитого социализма призвана была решить ряд очень непростых задач. *Во-первых*, «примирить» фундаментальные положения марксистско-ленинской теории со сложившимися реалиями социализма: сохранение классового деления общества, различных форм собственности, товарно-денежных отношений и, наконец, самого государства с его чиновничьим аппаратом. *Во-вторых*, обосновать отход от прежних амбициозных проектов («косыгинская реформа» — один из них) к более спокойному, стабильному развитию. *В-третьих*, внедрить в сознание граждан, что окружающая их действительность — сама по себе ценность, которая должна приносить удовлетворение и вселять гордость. Все эти идеи отвечали интересам бюрократической, в первую очередь партийной, верхушки. Их реализация давала ей право считать свое главенствующее положение в советском обществе не только оправданным, но и законным. Это снимало политическую ответственность за нарастание негативных тенденций, в конечном счете приведших к «застою» 1970—1980-х гг.

Новая Конституция

Новая концепция развития повлияла на законодательство страны. Конституция 1936 г. перестала адекватным образом отражать состояние общества. Так, первая статья Конституции называла СССР «государством рабочих и крестьян», вторая статья говорила о «завоевании диктатуры пролетариата», что никак не увязывалось с декларированием «подлинной» демократии. К тому же в сложившемся к 1970-м гг. образе государственной власти уже практически не было «пролетарских» черт. Необходимо было новое определение политической системы, социальной структуры, характера экономического, международного развития СССР и многое другое.

В феврале 1976 г. на XXV съезде КПСС было решено приступить к практической подготовке принятия новой Конституции СССР. Подготовка велась под лозунгом со-

вершенствования социалистической демократии, и как реальное подтверждение этого в мае 1977 г. было организовано всенародное обсуждение проекта. Проект Конституции был опубликован в газетах, и граждане получили возможность предлагать к нему поправки. Поправок было прислано достаточно много, и, хотя приняты они не были, видимость демократического процесса была соблюдена. Окончательный текст Конституции был утвержден 7 октября 1977 г. на сессии Верховного Совета СССР. Важнейшей статьёй в ней стала статья 6 — созрела необходимость законодательно закрепить сложившееся всевластие партийной бюрократии. Эта статья узаконила фактическую роль КПСС, объявив партию «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы». Это привело к еще большему усилению значения партийного аппарата во всей властной пирамиде, окончательно устанавливало членство в партии как обязательное условие для любой карьеры.

Таким образом, Конституция 1977 г. в полной мере реализовала устремления правящей верхушки СССР *монопольно* и безотчетно распоряжаться всеми сторонами духовной и материальной жизни советских граждан, одновременно оставляя без внимания уже очевидные для всех противоречия. Статья 6 Конституции гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Государство объявлялось «общенародным», т. е. отныне оно должно было в равной степени представлять интересы всех общественных слоев. Это положение

должно было стать обоснованием торжества «подлинной» демократии в Советском Союзе.

По-новому трактовалась сложившаяся в СССР социальная структура, ее «социальная однородность». По-прежнему сохранялись классы — рабочий и колхозное крестьянство и «социальная прослойка» — интеллигенция, но по уровню доходов, образования, степени социальной и правовой защиты, доступа к общественным благам, образу жизни и мировоззрению все слои советского общества отличались между собой незначительно. Уже в этом утверждении наблюдается разночтение в трактовке характера развития общественных процессов, отчетливо проступивших к этому времени в Советском Союзе.

Советское общество на самом деле не только не являлось однородным, но его структура становилась все более иерархичной, напоминая некую социальную пирамиду. Главным признаком социального положения того или иного гражданина все более становилось то, какое место он занимает по отношению к власти.

Важнейшее место в характеристике «общества развитого социализма» занимал в новой Конституции вопрос о состоянии и развитии межнациональных отношений. Провозглашалось, что в результате сближения наций и народностей в СССР сложилась «новая историческая общность — советский народ».

Точно так же как и в социально-экономических, политических трактовках развитого социализма, в сфере отношений между народами упор делался на учет чисто формальных признаков, подтверждающих достигнутое единство: распространение русского языка (как языка межнационального общения), увеличение численности смешанных браков, сближение культурного, социального уровней различных народов, усиление взаимной миграции народов, объективно способствующей взаимопроникновению и обогащению национальных культур.

Но при этом не объяснялось, по каким критериям одни национальности носят конституционный статус нации, а другие — народности, почему одним разрешено иметь

государственность в форме союзной республики, другим — лишь автономной, а третьи не имели даже этого.

Болезненным для ряда народов был вопрос о включении территорий, заселенных их соплеменниками, в состав других республик. Яркий тому пример — армяне, составлявшие 3/4 населения Нагорно-Карабахской автономной области, входившей в состав Азербайджанской ССР.

Все эти проблемы были сложны для разрешения, но при создании новой Конституции они были проигнорированы.

Политический «застой»

Вступление в политический «застой» определялось не только самим фактом бюрократизации системы власти и управления, но и чертами этой новой бюрократии. Если прежде партийные работники, государственные служащие и хозяйственные руководители в *подавляющем* своем большинстве были выходцами из простого народа, проявившими деловые способности, то в 1960-е, а особенно в 1970—1980-е гг. пополнение элиты происходило через особую систему отбора и подготовки кадров будущих руководителей: высшие партийные, комсомольские и профсоюзные школы, Академию общественных наук, Дипломатическую академию, попасть в которые можно было только по рекомендации влиятельных чиновников. Так производилась оценка пригодности потенциальных кадров не только для высшего звена, но и практически на всех уровнях. Она напрямую зависела от личных симпатий и политических расчетов руководителей. Деловые качества учитывались в меньшей степени, а честность и принципиальность вообще нередко становились скорее препятствием для карьеры. В условиях «клановой» борьбы и интриг преимущества отдавались лично полезным и преданным «протезе», готовым в нужный момент поддержать своего «патрона». В ряде регионов страны, в первую очередь в азиатских республиках, кадровая политика вообще практически исключала любые подходы, кроме землячества и семейственности.

Формирование элиты шло и через «естественное воспроизводство»: в 1970-е гг. начинают создаваться целые потомственные династии «ответственных работников». Дети и другие родственники начальников с самого начала вступления в самостоятельную жизнь оказывались в особом положении. Они учились в престижных вузах, затем занимали перспективные должности, почти автоматически делая карьеру. Так, сын Брежнева стал первым заместителем министра внешней торговли, зять Брежнева — заместителем министра внутренних дел, свояк (муж сестры жены) генсека возглавил Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства.

Бюрократия времен «застоя» характерна тем, что высшее руководство страны в большинстве своем стало состоять из очень пожилых людей. Средний возраст членов Политбюро достиг 68 лет. Многие из них страдали тяжелыми болезнями, в том числе и сам Брежнев, который в 1976 г. перенес инсульт. По свидетельству лечащего врача Е. Чазова, Л.И. Брежнев в последние годы своего правления превратился в немощного старика.

Старость и немощ мешали Брежневу осуществлять функции главы партии и государства, полноценно участвовать в работе ЦК, Политбюро, наносить зарубежные визиты, принимать гостей, выступать с речами на различных форумах и т. д. Телевизионные репортажи и радиотрансляции невольно демонстрировали курьезы, вызванные его физическим состоянием. В стране установилась поистине «геронтократия» (власть стариков). Ухищрения врачей, добившихся того, что нагрузка на престарелых руководителей была сокращена до минимальных размеров (например, заседания Политбюро часто длились не более 15—20 минут), не спасали положения.

221

Как это было

Б.Н. Ельцин (тогда первый секретарь Свердловского обкома КПСС) в своих мемуарах так рассказывает о своей рабочей встрече с Л.И. Брежневым: «Нам надо было

пробить вопрос о строительстве метро — все-таки уже миллион двести тысяч в Свердловске, а для этого нужно было решение Политбюро. Поэтому решил пойти к Брежневу. Созвонился. «Ну, давай, приезжай», — говорит. Я, зная стиль его работы в тот период, подготовил на его имя записку, чтобы ему оставалось только наложить резолюцию. Зашел, переговорили буквально пять — семь минут — это был четверг, обычно последний день его работы на неделе, как правило, в пятницу он выезжал в свое Завидово и там проводил пятницу, субботу и воскресенье. Поэтому он торопился в четверг все дела закончить побыстрее. Резолюции он сам сочинить не мог. Говорит мне: «Давай диктуй, что мне писать». Я, естественно, диктую: «Ознакомить Политбюро, подготовить проект постановления Политбюро о строительстве метро в Свердловске». Он написал то, что я ему сказал, расписался, дает мне бумагу. Но, зная, что даже при этом документы потом где-то терялись, пропадали, я ему говорю: «Нет, вы пригласите помощника». Он приглашает помощника, и я говорю: «Дайте ему поручение, чтобы он, во-первых, зарегистрировал документ, а во-вторых, официально оформил ваше поручение: «Разослать по Политбюро». Он тоже молча все это сделал, помощник забрал бумаги, мы попрощались, и скоро Свердловск получил решение Политбюро о строительстве метро».

222

Таковы основные черты, характеризующие состояние советской элиты на закате брежневской эпохи. Недееспособные правители не могли обеспечить хоть сколько-нибудь эффективный порядок управления страной. На фоне всего этого происходит стремительное разложение властных и управленческих структур, правоохранительных органов, хозяйственных, научных, учебных учреждений. Взятничество, хищения государственного имущества, фальшивая отчетность о выполнении плановых обязательств, установление связей представителей власти с преступным миром — все это достигает таких масштабов, что становится невозможным предотвращать скандальные ситуации (такие, как так называемое

«рыбное дело», расследуемое Генеральной прокуратурой СССР в самом начале 1980-х гг., о контрабандном вывозе красной икры и ценной рыбы за границу, что нанесло государству ущерб в несколько десятков миллионов рублей. Нити преступных связей тянулись к самому руководству министерства). Подобные эпизоды со всей очевидностью свидетельствовали о том, что положительных перемен при действующем генсеке ожидать не приходилось.

Завершение периода «геронтократии»

В ноябре 1982 г. Л.И. Брежнев скончался. Генеральным секретарем ЦК был избран Ю.В. Андропов.

С 1967 г. он являлся председателем КГБ СССР. Вес Андропова в кругах руководства страны, *во-первых*, определялся тем влиянием, которое он приобрел благодаря руководству органами госбезопасности, которые в застойные годы заметно активизировали свою деятельность. *Во-вторых*, сыграли свою роль его личные качества: ум и образованность в сочетании с авторитарностью и нетерпимостью к разного рода инакомыслию.

Личность Андропова отвечала интересам различных группировок внутри ЦК и Политбюро. Он четко обозначил приоритеты новой политики: «Хотя нельзя все сводить к дисциплине, но начинать надо именно с нее» (декабрь 1982 г.). В первой половине 1983 г. развернулась давно не виданная кампания по укреплению трудовой дисциплины. В частности, устраивали облавы в кинотеатрах, банях, магазинах с целью выявления тех, кто находился там в рабочее время. Советские граждане были шокированы масштабами выявленных злоупотреблений. Например, в ходе операции «Паутина» были доказаны многомиллионные хищения в торговле, которые имели массовый характер.

Уголовные дела были заведены на 15 тыс. должностных лиц, среди них более 2,5 тыс. руководителей крупных торговых организаций, включая Главное управление торговли Москвы. Широкий резонанс имели такие расследования, как «узбекское дело», обнаружившее

многoletние масштабные махинации с хлопком, «краснодарское дело» (о коррупции в Краснодарском крае), «дело руководства МВД», затронувшее министра Н.А. Щелокова и его заместителя, зятя Брежнева Ю.М. Чурбанова. Ряд крупных руководителей приговорили к суровым наказаниям, некоторые покончили жизнь самоубийством. Борьба с коррупцией сопровождалась серьезным кадровым обновлением — в среднем более 30% партийных функционеров были вынуждены оставить свои посты.

Впервые за долгие годы прозвучали объективные оценки состояния советского общества, признания противоречий и накопившихся проблем. Надежду на обновление страны, возвращение политики государства к здравому смыслу и ответственности перед народом вызвала фраза Андропова *«Мы не знаем общества, в котором мы живем»*. Это могло означать отказ от прежних благостных увещеваний в духе «развитого социализма», настрой на преобразование. Но правление Андропова продолжалось менее полутора лет. В феврале 1984 г. Ю.В. Андропов, страдавший множеством хронических болезней, скончался.

Главным результатом усилий Андропова стал импульс к преодолению «застоя» в сознании и мышлении советского общества.

224

Полным контрастом Андропову явился новый генеральный секретарь ЦК К.У. Черненко, ближайший друг и соратник Брежнева, критически настроенный по отношению к реформам.

Появление у власти такого человека указывает на то, что партийная бюрократия, сдав часть своих позиций под андроповским напором, мечтала о реванше и устранении угрозы своему спокойному существованию. Надежды на Черненко возлагали и сталинисты. Однако бесцветное и короткое правление престарелого и больного Черненко так и не позволило сбыться этим надеждам. В марте 1985 г. К.У. Черненко скончался.

Участие в «гонке вооружений» и отсутствие стратегии модернизации экономики в соответствии с условия-

ми научно-технической революции обусловили отставание СССР от передовых капиталистических и новых развивающихся государств по большинству экономических и социальных показателей. При этом было во многом потеряно главное преимущество: социальные гарантии для большинства населения. «Теневая экономика» и привилегии руководителей и аппарата подрывали веру в справедливость социалистического строя.

■ *Документы эпохи*

— Биографическая справка —

Юрий Владимирович Андропов. Андропов родился 15 июня 1914 г. на станции Нагутская Курсавского района Ставропольского края. В 1930 г. поступил слесарем в механические мастерские, затем был рабочим телеграфа, матросом на судах Волжского пароходства. В 1936 г. окончил техникум водного транспорта в г. Рыбинске Ярославской области. В 1938 г. избран первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. В июне 1940 г. был направлен на работу в Карело-Финскую ССР, где в годы Великой Отечественной войны занимался организацией партизанских отрядов, подпольных райкомов и групп. 3 сентября 1944 г. был назначен вторым секретарем Петрозаводского горкома ВКП(б), 10 января 1947 г. — вторым секретарем ЦК Коммунистической партии Карелии. Окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, в 1946—1951 гг. заочно учился на историко-филологическом факультете Карело-Финского государственного университета. В 1951 г. был переведен в аппарат ЦК КПСС, в 1953 г. — в МИД СССР. С 1954 по 1957 г. — чрезвычайный и полномочный посол СССР в Венгерской Народной Республике. В 1957 г. стал заведующим отделом ЦК КПСС. С 1962 по 1967 г. — секретарь ЦК КПСС. С мая 1967 г. — председатель КГБ СССР. В ноябре 1982 г. был избран генеральным секретарем ЦК КПСС. Умер 9 февраля 1984 г.

— Биографическая справка —

Константин Устинович Черненко. Черненко родился 24 сентября 1911 г. в селе Большая Тесь Новоселковского района Красноярского края. Вступил в ВКП(б) в 1931 г. во время

службы в рядах Красной Армии. В 1933—1941 гг. возглавлял отдел пропаганды и агитации в райкомах партии Красноярского края. В 1941—1943 гг. Черненко занимал должность секретаря Красноярского крайкома партии. В 1943—1945 гг. учился в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б) в Москве. По окончании был направлен в Пензу в качестве секретаря обкома (1945—1948). Черненко продолжил свою карьеру в Молдавии, став заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии (1948—1956). В это время произошло его знакомство с Л.И. Брежневым. В 1956—1960 гг. уже работал в аппарате ЦК КПСС. Стал генеральным секретарем ЦК КПСС с 13 февраля 1984 г., председателем Президиума Верховного Совета СССР с 11 апреля 1984 г. Трижды Герой Социалистического Труда (1976, 1981, 1984). Ленинская премия (1982). Умер 10 марта 1985 г.

19. Республики в составе СССР. Национальная политика

Национальные отношения в Советском Союзе, вплоть до «перестроечных» времен, принято было считать предметом гордости партийной и государственной политики.

Убедительным аргументом в пользу национальной терпимости и сближения народов СССР являлся рост числа этнически смешанных браков. Переписью населения 1959 г. их зафиксировано 10,3% от общего числа браков. К 1970 г. смешанные семьи составляли 13,5%, в 1979 г. — 14,9%, а в 1989 г. — 17,5%. Одновременно это указывало на рост интеграционных процессов внутри СССР, обусловленных экономическими факторами и движением кадровых ресурсов.

Доказательством формирования новой общности можно считать также распространение русского языка как языка межнационального общения. Например, по переписи 1926 г. число граждан нерусской национальности, считающих русский язык родным, зафиксировано 6,4 млн, в 1959 г. — 10,2 млн, в 1979 г. — 13 млн, в 1989 г. — 18,7 млн.

Переписи населения показывали также постоянный рост числа свободно использующих русский язык наряду с родным национальным языком. В 1970 г. в СССР проживало 46,6% нерусских граждан, к 1989 г. их доля повысилась до 49,4%. При этом русский язык считали родным и свободно им владели 81,4% населения СССР и 88% населения РСФСР.

Точка зрения

Действительно, официально провозглашенная в 1960—1970-е гг. новая историческая общность людей была отнюдь не мифом. Укоренившийся в последние два десятилетия сарказм в адрес «гомо советикусов», или попросту «совков», совершенно не отменяет тот факт, что на уровне массового сознания имелось ощущение глубокого единства советских народов. Примеров, демонстрирующих, что этнические, культурные, расовые различия людей при определенных обстоятельствах могут быть забыты, советская история давала немало. Главное, что позволяло достичь этого, было чувство причастности к общему великому делу. Так было во времена первых пятилеток, в годы Великой Отечественной войны, целинной эпопеи. Люди разных национальностей воспринимали, как свои, кровные успехи советских ученых, спортсменов, деятелей культуры, гордились беспримерными подвигами своих воинов, полярников, летчиков, космонавтов независимо от их национальной принадлежности. Беды и несчастья, внезапно случавшиеся в разных частях страны, вызывали сопереживание, стремление помочь со стороны всего многонационального советского народа. Пример тому — Ташкентское землетрясение в 1966 г., полностью уничтожившее целый город и погубившее десятки тысяч его жителей. Всего через год на месте руин возник фактически новый город, целые улицы которого были возведены во многом безвозмездными усилиями и на средства всех республик СССР.

Степень сплоченности советских национальностей и стремление к взаимному сближению особенно ярко проявлялись в сравнении с другими многоэтническими государ-

ствами. В США, например, чуть ли не открыто действовали расистские организации типа ку-клукс-клана, время от времени происходили кровопролитные массовые столкновения на расовой и национальной почве, в законодательствах некоторых штатов вплоть до 1970-х гг. сохранялись дискриминационные нормы по отношению к чернокожим, выходцам из Азии и Латинской Америки. Реакцией на это стало появление организованных движений протеста, охвативших почти все этнические меньшинства Соединенных Штатов. Ничего подобного в Советском Союзе в те годы не наблюдалось.

Все это давало идеологам развитого социализма весомые основания считать выработанный курс на решение национального вопроса верным. В основу этого курса по-прежнему закладывалась идея достижения **фактического равенства** наций, народностей «с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии». Эта идея восходила к ленинским представлениям, что интернационализм «великой» нации должен состоять, помимо прочего, «и в том неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически». Другими словами, русские, как самая большая и в прошлом «угнетающая» нация, должны взять на себя ответственность за развитие всех наций Советского Союза, платя за это особо большую цену.

Бесспорно, что подобное «донорство» русского народа было оправдано с точки зрения преодоления недоверия к нему со стороны меньшинств. Народы советской Средней Азии, Кавказа, Сибири смогли очень быстро почувствовать положительные изменения в своей жизни, особенно в сравнении с положением родственных им народов, живущих по другую сторону границы СССР. Статус национального меньшинства давал огромные преимущества при поступлении в лучшие вузы страны, зачислении на работу, в предоставлении многих социальных льгот. В национальных республиках целенаправ-

ленно создавались собственные многочисленные кадры государственных и партийных работников, воспитывалась национальная интеллигенция. Высшие должности в республиках за редчайшим исключением занимались только представителями «титульной» (от имени которой образована республика) нации. Русским отводилась роль квалифицированных помощников, а также исполнителей тех обязанностей, которые не вызывали у местных жителей интереса (например, промышленных рабочих, строителей, инженеров, военных).

Вместе с тем курс на фактическое равенство на деле приносил не только запланированные результаты. «Донорство» России не могло продолжаться бесконечно без ущерба для нее самой. Средства, выделяемые государством на ускоренное экономическое и социальное развитие союзных республик, складывались преимущественно из налоговых отчислений от доходов всех республик в общесоюзную казну. Однако если в бюджеты среднеазиатских и закавказских республик назад возвращалось до 100% от этих отчислений, в республики Прибалтики — в среднем 70—80%, на Украину и в Белоруссию — 50—60%, то в РСФСР — лишь немногим более 40%. Кроме того, почти все республики получали дотации (дополнительную помощь) для решения каких-то конкретных задач. Размеры этих дотаций в азиатских республиках нередко вполне были сопоставимы с размерами всего их национального дохода. Аналогичная ситуация существовала в республиках Прибалтики и на Украине. Правда, их дотирование не было регулярным, хотя исчислялось порой миллиардами рублей. Единственной республикой, которая никогда не получала дополнительной помощи, являлась РСФСР. С конца 1970-х гг. к разряду «доноров» присоединяются Белоруссия и в связи с ускоренным развитием нефтегазового комплекса Азербайджан и Туркмения, богатые топливными ресурсами.

Помогая другим республикам, Россия была не в состоянии должным образом заботиться о решении собственных насущных проблем. Одной из них уже в 1960-е гг. становится исчерпание трудовых и материаль-

ных ресурсов Нечерноземья. Проще говоря, речь идет о постепенном вымирании огромного края, включающего в себя около 30 регионов Российской Федерации. Например, к середине 1980-х гг. население Псковской области составляло чуть более 60% от довоенного, Новгородской, Смоленской, Вологодской — около 80%, притом что общая численность населения СССР увеличилась за это же время более чем в полтора раза. Основная причина состояла в хронической социальной и бытовой неустроенности жителей российской глубинки, в особенности деревни. Это подталкивало многих людей бросать родные края и искать счастья в более благополучных местах огромной страны. Принятая в 1974 г. Программа развития Нечерноземья оказалась неспособной решить эти проблемы, так как основной упор в ней делался на развитие хозяйственной, а не социальной сферы. Более того, в рамках этой программы был провозглашен курс на ликвидацию «неперспективных» деревень, что лишь ускорило процесс вымирания. С 1959 по 1979 г., по данным переписей населения, количество сел и деревень в Нечерноземной полосе РСФСР сократилось с 294 до 177 тыс.

Политика выравнивания и сближения уровней развития советских народов при опеке и бескорыстной помощи «старшего брата» — русского народа имела и множество других непредвиденных последствий, отрицательно сказывавшихся на общем состоянии национального вопроса. Речь в первую очередь идет об отношении к русским в национальных республиках и о том положении, в котором русские в итоге там оказались. В идеальных представлениях о фактическом равенстве все республики не только должны быть одинаковыми по уровню жизни и социальной обеспеченности, похожими нужно сделать также их хозяйственные и социальные структуры. Иначе говоря, повсюду надо создать крупную промышленность, рабочий класс, научную и творческую интеллигенцию по образцу России и других славянских республик для того, чтобы процесс интеграции (объединения в целое) проходил проще и естественнее. Гигантские средства были вложены в строительство за-

водов в Средней Азии, Закавказье, Прибалтике. Однако с самого начала возникла проблема острого дефицита кадров для строительства этих предприятий, а затем и для обеспечения их работы. В течение многих десятилетий дефицит восполнялся почти исключительно путем переселения в республики рабочей силы и специалистов из России, Украины и Белоруссии (сначала их всех именовали просто русскими, затем все чаще русскоязычными). В результате столицы и крупные города республик, превратившись в промышленные центры, стали многонациональными, причем представители «титულных» наций оказывались в ряде случаев в меньшинстве по сравнению с русскими.

Руководителям СССР такое положение казалось свидетельством лишь реального сближения народов, взаимопроникновения и обогащения их культур. На самом же деле наряду со всем этим возникали и очень серьезные противоречия, вылившиеся впоследствии в конфликты.

Точка зрения

В одних республиках — прибалтийских, Грузии, Молдавии, на западе Украины — нарастающее присутствие русских воспринимали как намеренную русификацию и ассимиляцию. В других — преимущественно в мусульманских — поводом для недовольства было нетрадиционное для этих мест поведение приезжих. Русских обвиняли в пьянстве, сквернословии, непочтительном отношении к старшим. Кроме того, образовавшаяся к 1960-м гг. национальная элита в лице бюрократии и интеллигенции видела в русских своих конкурентов и препятствие для реализации узконациональных интересов. Отношение к местным русским часто распространялось на всю Россию, ее культуру и народ в целом, и, наоборот, недовольство политикой Москвы отражалось на отношении к русским землякам. Так, один из лидеров эстонских националистов Т. Маде в середине 1980-х гг. открыто сформулировал такой подход: «Русские вольно или невольно являются орудием политики Центра».

Вопреки ожиданиям партийных идеологов, усиление многонациональности в союзных республиках далеко не всегда способствовало их интеграции и по другим причинам. На первый взгляд социальная структура союзных республик все больше напоминала российский образец, однако при ближайшем рассмотрении оказывалось, что разделение на социальные группы в большинстве республик происходит по строго национальному признаку. «Коренные» жители предпочитали традиционные виды хозяйственной деятельности — сельское хозяйство, сферу услуг, торговлю. Государственный аппарат и сфера образования укомплектовывались в первую очередь национальными кадрами. Велико было также стремление «коренных» народов к созданию национальной культуры, что подразумевало командное положение в области науки и искусства. Русские же, как правило, составляли основной костяк рабочего класса, инженерно-технических работников, т. е. тех городских слоев, чей уровень жизни и социальный статус были выше уровня жизни и статуса сельских жителей, но внутри городов никогда не были особенно высоки, а в «застойные» годы вообще стремительно падали. Кроме того, в условиях нарастающего продовольственного дефицита очень большое значение приобретали связи с деревней, которых у большинства русских в национальных республиках почти не было. Таким образом, «коренные» сельские жители ощущали себя ущемленными по сравнению с горожанами-русскими; в то же время социальные различия в городах нередко ставили русских в положение граждан «второго сорта». Сложившаяся ситуация приводила республиканские элиты к выводу о необязательности учета интересов русского (русскоязычного) населения.

Как следствие этого, уже с конца 1960-х гг. в ряде союзных республик наметилась тенденция к «выдавливанию» русских. Некоторые руководители республик стремились искусственно повысить долю представителей «своих» национальностей в столицах и крупных городах путем привлечения туда выходцев из сельских районов. Эти люди имели преимущества в получении жилья, под-

ходящей работы, из них складывалась главная опора при проведении кадровой политики. В результате, например, доля азербайджанцев в населении Баку, столице Азербайджанской ССР, увеличилась с 40% в 1969 г. почти до 70% в 1985 г. Те же процессы, правда, с гораздо меньшим размахом, шли в других республиках Закавказья, а также в Средней Азии, в Молдавии. Происшедшие демографические изменения наложили сильный отпечаток и на весь характер межнациональных отношений в этих республиках. Причем эти процессы коснулись не только русских, но и почти всех других «нетитульных» жителей республик. Гораздо острее обозначились культурные и социальные различия, возникла национальная обособленность. О том, что русским становилось все более неуютно в этой атмосфере, свидетельствует, например, тот факт, что национальность детей от смешанных браков, в которых один из родителей был русским, в национальных республиках все чаще фиксировалась как нерусская. А главное, при любой открывшейся возможности русские стремились возвратиться в Россию.

Центральные власти во главе с Брежневым, а затем Андроповым и Черненко совершенно не обращали внимания на эти болезненные издержки национальной политики. Они предпочитали буквальным образом толковать завещанные Лениным рекомендации, что «в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». На самом же деле это зачастую попросту прикрывало нежелание и неспособность политиков эпохи «застоя» по-настоящему разобраться в национальных противоречиях.

Нерешенной также оставалась проблема репрессированных народов. Крымские татары, немцы Поволжья выступали за восстановление своих ликвидированных в годы Великой Отечественной войны автономий. Туркменехетинцы, греки требовали разрешения возвратиться к местам прежнего жительства. Те же греки и немцы, а также евреи организовали общественное движение за право эмиграции на «историческую родину».

Отдельной проблемой в СССР был так называемый «еврейский вопрос». В июне 1967 г. в связи с Шестидневной войной, в ходе которой Израиль начал боевые действия с Сирией, Иорданией и Египтом, СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем. Резолюция Совета Безопасности ООН № 242 определила Израиль как страну-агрессор. В советских газетах началась мощная антиизраильская кампания. Однако победа Израиля вызвала невиданный рост национального самосознания среди советских евреев.

Одновременно произошел всплеск народного антисемитизма в СССР. Реакцией на это со стороны советских евреев стала борьба за право выезда из СССР на «историческую родину».

Через год после разрыва отношений с Израилем, 10 июня 1968 г., в ЦК КПСС было рассмотрено письмо, подписанное Ю.В. Андроповым и А.А. Громыко, в котором КГБ и МИД предлагали разрешить советским евреям эмигрировать из страны. Единственным основанием для эмиграции считалось воссоединение семей. Это не уменьшило количество желающих покинуть СССР, а, наоборот, стимулировало процесс эмиграции. Однако многие желающие эмигрировать, связанные с секретными работами, получали отказ. Это вызывало ответную реакцию.

234

Первоначально основной формой борьбы за право эмиграции была подача петиций, обращений и заявлений в официальные органы. Эта деятельность чаще всего не приносила желаемого результата. Летом 1970 г. в Ленинграде были арестованы 12 евреев, намеревавшихся захватить самолет Ан-2, выполнявший рейс Ленинград — Приозерск, и угнать его за рубеж. Организаторы и участники акта воздушного терроризма были осуждены и получили суровые наказания. «Самолетное дело» вызвало кампанию со стороны Запада в поддержку права евреев на эмиграцию. Советскому правительству приходилось с каждым годом увеличивать количество разрешений на выезд. Всего из СССР с 1971 по 1986 г. эмигрировало за рубеж свыше 360 тыс. человек (около 0,15% населения).

Данный этап истории Советского Союза в силу разных причин совпал с нарастанием этнического самосознания у большинства народов СССР. Однако отсутствие должной реакции на это со стороны центральной власти, а также социально-экономический и идейный кризисы способствовали тому, что этот процесс стал выливаться в «ревность» народов друг к другу, увлечение идеями построения своего, отдельного «национального рая».

■ *Документы эпохи*

■ *Из доклада Ю.В. Андропова, посвященного 60-летию образования СССР. 21 декабря 1982 г.*

Реальные качественные изменения, происшедшие за 60 лет в национальных отношениях, свидетельствуют о том, что национальный вопрос в том виде, в каком он был оставлен нам эксплуататорским строем, успешно решен, решен окончательно и бесповоротно. Впервые в истории многонациональный состав страны превратился из источника ее слабости в источник силы и процветания.

■ *Из обращения крымских татар к Белградскому Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе, Политбюро ЦК КПСС, Верховному Совету Союза ССР, общественности. 1977 г.*

...В документах народа, адресованных XXV съезду, ясно изложены судьбы крымско-татарского народа в связи с событиями сороковых годов и их последствиями. В них также подробно изложены исторические, правовые, идеологические и экономические основы национального движения за возвращение в родной край с четкими требованиями:

1. Организованное возвращение в Крым — на свою национальную Родину безо всяких ограничений.
2. Вернуть все, что отнято.
3. Восстановить все, что растоптано...

От появления Указа (указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму». — *Авт.*) до XXV съезда КПСС прошло 9 лет. За этот период десятки тысяч семей пытались вырваться из ссыльной земли, ссыльного режима, наконец-то вернуться в край родной. Вместо выполнения зако-

нов СССР в Крыму этим семьям уготованы: вторичное выселение, ночные погромы со взломом дверей и окон, насилия, провокации и судилища.

20. Внешняя политика СССР во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.

Гонка вооружений

Под влиянием Карибского кризиса 1962 г. СССР стал резко увеличивать свой стратегический потенциал. Если в момент этого кризиса США превосходили СССР по числу средств доставки ядерного оружия в 10 раз, то к концу 1960-х гг. это превосходство растаяло. Советский арсенал достиг цифры 1054 (численность межконтинентальных баллистических ракет (МБР) США) примерно в 1968 г. В международных отношениях появился новый элемент — *стратегическое равенство*.

США лишились возможности безнаказанно нанести первый, обезоруживающий удар по Советскому Союзу. Советская оборонная доктрина поначалу была сформулирована в достаточно общем виде: «Советский Союз никогда не начнет войны первым и не применит первым атомного оружия, но ответит сокрушительным ударом на всякое нападение агрессора с целью его полного поражения». Затем советские военные теоретики пришли к важному выводу: упреждающий массированный ракетно-ядерный удар в целях стратегической обороны по изготовившемуся к ракетно-ядерному нападению агрессору при наличии у него трех компонентов стратегических ядерных сил (наземных защищенных ракетных комплексов, ракетных комплексов морского базирования и стратегической авиации) лишен всякого смысла. Он не решает задачи стратегической обороны государства и приводит только к взаимному уничтожению этих государств. Ответно-встречный массированный ракетно-ядерный удар по агрессору, уже совершившему ракетно-ядерное нападение, но до прихода его боеголовок на нашу территорию, тем более не решает задачи страте-

гической обороны и также приводит к взаимному уничтожению государств.

Кроме того, гонка вооружений существенно истощала экономический потенциал СССР.

Почти одновременно и в СССР, и в США пришли к идентичному выводу: глобальная ядерная война не имеет смысла, ее нельзя выиграть. Усилия обеих стран по достижению стратегического превосходства не дали результатов — стороны достигли паритета на высоком уровне.

Советско-китайские отношения

Новое руководство СССР было склонно считать, что ухудшение отношений с КНР вызвано исключительно личным конфликтом между Н.С. Хрущевым и Мао Цзэдуном. Это вызывало надежды на урегулирование по аналогии с советско-югославским конфликтом, исчерпанным после смерти Сталина.

Сразу после смещения Н.С. Хрущева на празднование очередной октябрьской годовщины в Москву прибыла китайская делегация во главе с премьером Чжоу Эньлаем. Однако выдвинутые китайской стороной условия (отказ от провозглашения принципа мирного сосуществования между социализмом и капитализмом и т. д.) были для СССР совершенно неприемлемы. Несмотря на неудачу переговоров советское руководство первоначально было склонно объяснить инцидентом во время праздничного приема в Кремле, когда министр обороны маршал Р.Я. Малиновский, обращаясь к Чжоу Эньлаю и министру обороны КНР маршалу Линь Бяо, предложил им по советскому образцу сместить Мао Цзэдуна. Сохранялись иллюзии, что совместная помощь Северному Вьетнаму, ставшему жертвой американской агрессии, сблизит СССР и КНР. Лишь в итоге поездки А.Н. Косыгина в Ханой и Пекин в феврале 1965 г. был сделан вывод о невозможности восстановления былой советско-китайской дружбы.

Во второй половине 1960-х гг. резко обострились пограничные споры между СССР и КНР. Китайская сторо-

на утверждала, что хотя, согласно результатам «исторических исследований», царская Россия захватила у Китая 1,54 млн км² территорий, однако КНР не претендует на их возвращение, настаивая лишь на «уточнении границы». «Уточнение» сводилось к передаче Китаю территорий общей площадью 35 тыс. км² (для сравнения: площадь Бельгии — 30,5 тыс. км², Курской области — 29,8 тыс. км²). Конфликты на границе перерастали в вооруженные стычки. Крупнейшей из них стали бои на острове Даманский на реке Уссури. 2 марта 1969 г. здесь китайскими пограничниками были в упор расстреляны начальник погранзаставы старший лейтенант Стрельников и семь советских пограничников. В развернувшемся бою погибли 32 советских пограничника, но китайцам закрепиться на острове не удалось. 15 марта китайской стороной была предпринята новая попытка захватить Даманский, которая также была отбита. Теперь в бою с обеих сторон принимали участие не только пограничники, но и регулярные войска, были задействованы артиллерия, танки, ракетные установки. Даманский стал первым боевым испытанием систем залпового огня «Град». Всего в этом конфликте с советской стороны погибли 58 человек, были ранены 94. Потери китайской стороны превысили тысячу человек, что и заставило их отступить. В сентябре 1969 г. на переговорах между А.Н. Косыгиным и Чжоу Эньлаем была достигнута договоренность о сохранении существующего положения советско-китайской границы. Однако напряженность на границе сохранялась. Позднее, в 1976 г., смерть Мао Цзэдуна несколько ослабила остроту конфликта, но улучшения отношений не произошло.

Война во Вьетнаме

«Холодная война» расколола весь мир. В середине 1960-х гг. Соединенные Штаты решительно боролись за сохранение своих зон влияния. Наиболее наглядно это проявилось во Вьетнаме. В 1964—1965 гг. США направили к берегам Юго-Восточной Азии свои вооруженные силы с целью подавить национально-освободительное

движение в Южном Вьетнаме (Республика Вьетнам), организационно оформленное в Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ), а затем и ликвидировать коммунистический режим Северного Вьетнама (Демократическая Республика Вьетнам). Америка бросила на решение вьетнамской проблемы огромные материальные силы. Территория ДРВ подвергалась систематическим бомбардировкам американской авиации. К 1965 г. общая численность американских войск во Вьетнаме достигла 540 тыс. человек, не считая флота и стратегической авиации.

Советский Союз выступил в качестве союзника Северного Вьетнама и заявил о готовности оказывать ему необходимую помощь для отражения агрессии США. В декабре 1965 г. в Москве были подписаны соглашения об экономической и технической помощи. ДРВ стала получать из СССР в необходимом количестве зенитные орудия, ракеты и современные реактивные истребители. Советские специалисты помогали вьетнамцам овладевать боевой техникой. Большое внимание уделялось, в частности, подготовке ракетчиков и военных летчиков.

Соединенные Штаты, обладавшие явным численным и техническим превосходством, не смогли сломить сопротивление вьетнамцев, которые широко использовали тактику партизанских действий. Вооруженным силам НФОЮВ удалось блокировать американские гарнизоны в прибрежных районах страны. Кроме того, они заняли фактически 3/4 территории Южного Вьетнама. Американские войска несли серьезные потери.

Двусторонние беседы между представителем ДРВ и бывшим министром торговли США А. Гарриманом, начавшиеся в мае 1968 г. в Париже, завершились после сложной дипломатической и политической борьбы достижением договоренности о полном и безусловном прекращении Соединенными Штатами с ноября 1968 г. бомбардировок и других военных действий против Северного Вьетнама. Была достигнута также договоренность о проведении в Париже четырехсторонних заседаний с участием представителей ДРВ, НФОЮВ, Респуб-

лики Вьетнам и США для поисков путей политического урегулирования вьетнамской проблемы. Начавшиеся в 1968 г. переговоры о мире шли тяжело. Достигнутые договоренности о прекращении военных действий против ДРВ были нарушены в 1972 г., когда американцы возобновили бомбардировки. Лишь 27 января 1973 г. в Париже было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. 29 марта 1973 г. последний американский солдат покинул Вьетнам. Оставшись без поддержки США, 9 мая 1975 г. капитулировала столица Южного Вьетнама — Сайгон. 2 июля 1976 г. было провозглашено создание единого вьетнамского государства — Социалистической Республики Вьетнам.

СССР и Ближний Восток

СССР начал налаживать связи с ближневосточными странами в 1950-х гг. При построении отношений с арабскими государствами этого региона большое внимание уделялось их «социалистической ориентации». Позиция СССР в этом регионе опиралась на укрепление экономических и торговых связей и развитие политических отношений через эту деятельность. СССР поставлял в регион оборудование, технику, сельскохозяйственные машины. Обрато шли грузы фосфатов, продукты питания, нефть и газ.

Особой статьей советского экспорта в этот регион являлись поставки вооружений. Объемы этих поставок в арабские страны в период 1966—1970-х гг. приблизились к 3,2 млрд долларов. Советские военные специалисты принимали активное участие в подготовке армейских кадров и модернизации оборонительных систем ближневосточных государств. Исключительное геостратегическое положение региона, в котором пересекались морские и воздушные пути Европы, Азии и Африки, делало его чрезвычайно привлекательным для США и СССР. В Средиземном море постоянно находился 6-й флот США и была сформирована большая наземная Южноевропейская и морская Средиземноморская группи-

ровки НАТО. Именно поэтому экономическое и военное сотрудничество СССР в этом регионе носило функции сдерживания и контроля за присутствием вооруженных сил США и НАТО.

Советско-израильские отношения

В июне 1967 г. началась война Израиля против Египта, Сирии и Иордании (Шестидневная война). Израильцы нанесли сокрушительное поражение превосходящим по численности силам арабов и захватили территории, контролировавшиеся Египтом (Синайский полуостров и сектор Газа), Сирией (Голанские высоты), Иорданией (Западный берег реки Иордан). СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем и направил арабским государствам большие партии оружия и нескольких военных советников, а в Средиземное море ввел эскадру военно-морского флота. Война была прекращена после обращения к президенту США главы советского правительства А.Н. Косыгина, в котором содержалось прямое предупреждение о возможности перерастания конфликта в глобальную войну.

Как это было

Вспоминает П. Акопов: «Советский Союз часто изображается сторонником и даже инициатором этой войны. А это совершенно не так. Хотелось бы привести один характерный пример, о котором еще никто не говорил и не писал. В мае 1967 года Израиль сконцентрировал свои войска на сирийской границе и готовился к вторжению на территорию Сирии. Сирийский лидер Хафез Асад обратился к президенту Египта Гамалю Абдель Насеру с просьбой оказать поддержку в преддверии ожидаемой агрессии со стороны Израиля. Египетские войска к этому времени уже находились на Синае, что естественно являлось фактором сдерживания Израиля от нападения на Сирию. Но Насер решил посоветоваться и получить согласие советских друзей на нанесение превентивного удара по Израилю, для чего направил в конце мая в Москву своего военного министра Шамса Бадрана.

С советской стороны переговоры вел А.Н. Косыгин, участвовали заместитель министра и руководитель Ближневосточного отдела МИДа. Присутствовал и я в качестве советника. Главной темой переговоров было получение согласия Советского Союза на нанесение превентивного удара по Израилю, чтобы не допустить его вторжения в Сирию. Бадран разложил карты и подробно рассказал о ситуации. Косыгин сразу твердо заявил, что мы не можем дать такого согласия, так как Советский Союз не может поддерживать агрессию, в какой бы форме она ни проявлялась, и что военным путем невозможно решить проблему. На следующий день Бадран вновь подтвердил просьбу Насера дать согласие и снова получил твердое «нет». На третий день Бадран передал ответ Насера, поступивший ночью из Каира, что если советские друзья твердо придерживаются такой точки зрения, то нападения не будет...»

Кризис в Чехословакии

Если война во Вьетнаме нанесла тяжелый урон США, то Советский Союз потерпел морально-политическое поражение в одной из стран социалистического лагеря. В Чехословацкой Социалистической Республике (ЧССР) нарастали внутренние противоречия, связанные с экономическими трудностями, спорами вокруг десталинизации и демократизации, а также вопросом о федеративном устройстве государства. На пленуме ЦК КПЧ 3—5 января 1968 г. все это привело к отставке президента республики А. Новотного с поста первого секретаря ЦК. Первым секретарем ЦК КПЧ стал А. Дубчек, до этого возглавлявший ЦК компартии Словакии и выступавший за обновление политики партии. В стране развернулась дискуссия о судьбах социализма, о будущем страны. Ослабли цензурные ограничения, появлялись новые органы печати и общественные объединения, в том числе КАН — Клуб беспартийных. Что же касается руководства КПЧ и правительства, то, помимо общих слов о демократии, либерализации, новых идей и концепций, по

существо, не высказывалось, а внутри шла «позиционная война» за перераспределение портфелей. Компартия теряла время и уступала политическое пространство другим, непартийным силам.

В конце марта А. Новотный был освобожден с поста президента, новым президентом ЧССР стал генерал Л. Свобода. Атмосфера в стране накалялась, инициатива постепенно переходила в руки неформальных политических сил, которые оказывали давление на партийно-государственное руководство через средства массовой информации и в целом вне рамок официальных структур. При этом общественность с восторгом поддерживала А. Дубчека и его сторонников («прогрессистов»). Последовали новые меры по либерализации, в частности, была полностью отменена цензура. Параллельно шел другой процесс — росли недоверие и подозрительность со стороны союзников Чехословакии по Варшавскому договору — СССР, Польши, ГДР, Болгарии и Венгрии. В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. танки (около 7 тыс.) и более 300 тыс. солдат и офицеров пяти стран Варшавского договора перешли границы Чехословакии. Одновременно советские военные самолеты начали высаживать десантников на аэродроме в Праге. Офицеры КГБ арестовали членов Президиума ЦК КПЧ во главе с первым секретарем А. Дубчеком. Так была раздавлена «пражская весна» — попытка создать «социализм с человеческим лицом».

Период разрядки напряженности в международных отношениях

В разгар ближневосточного кризиса руководители США были вынуждены пойти на контакт с руководством СССР. Итоги последовавших переговоров между президентом США Л. Джонсоном и председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным в Гласборо (июнь 1967 г.) дали возможность достижения договоренности на основе концепции отказа обеих сверхдержав от создания системы национальной противоракетной обороны

и ограничения стратегических вооружений. Начались двусторонние переговоры, продолженные при президенте США Р. Никсоне. В мае 1972 г. Р. Никсон (первым из руководителей США) нанес официальный визит в Москву. 26 мая были подписаны два ключевых договора: бессрочный *Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО)* и *Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1)*. Обе страны отказались от дорогостоящего и дестабилизирующего строительства систем противоракетной обороны по периметру своих границ. Договор по ПРО оказал важнейшее стабилизирующее влияние на советско-американский военный баланс. Впервые в послевоенный период США отказались развертывать крупную, имеющую стратегическое значение систему. Обе стороны согласились иметь только по два локальных кольца противоракетной обороны — вокруг столицы и вокруг главного центра стратегических ракет.

Вскоре обе стороны пришли к выводу о «разрешительности» лишь одного оборонительного ракетного кольца. Советское руководство соорудило такое кольцо вокруг Москвы, а американское — вокруг подземных стратегических ракет в Вайоминге. Договор по ПРО сохранял свою силу до мая 2002 г., когда он был расторгнут по желанию американской стороны.

244

ОСВ-1 был первым соглашением об ограничении ядерных вооружений, согласно которому ставился предел числу стационарных пусковых установок МБР и пусковых установок баллистических ракет на подводных лодках. Договором и временным соглашением (сопутствующим договору) юридически закреплялся принцип равной безопасности в области наступательных стратегических вооружений.

Отход от политики конфронтации привел к материализации климата разрядки: были заключены десятки соглашений по вопросам торговли, судоходства, сельского хозяйства, транспорта, мирного использования атомной энергии и т. п. Казалось, что возникает новый мир с более обнадеживающими перспективами.

Хельсинкский процесс

Разрядка позволила созвать Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Консультации по нему состоялись в 1972—1973 гг. в столице Финляндии Хельсинки. Первый этап совещания был проведен на уровне министров иностранных дел с 3 по 7 июля 1973 г. в Хельсинки. В нем принимали участие представители 33 европейских государств, а также США и Канады.

Второй этап совещания проходил в Женеве с 18 сентября 1973 г. по 21 июля 1975 г. Он представлял туры переговоров продолжительностью от 3 до 6 месяцев на уровне делегатов и экспертов, назначенных государствами-участниками. На этом этапе вырабатывались и согласовывались договоренности по всем пунктам повестки дня совещания.

Третий этап совещания состоялся в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 г. на уровне высших политических и государственных руководителей стран-участниц совещания, возглавлявших национальные делегации. Советскую делегацию возглавлял Л.И. Брежнев. Главы делегаций подписали Заключительный акт совещания. Этот документ действует по сей день.

Он включает договоренности, которые должны выполняться в полном объеме как единое целое, по: 1) безопасности в Европе, 2) сотрудничеству в области экономики, науки и техники, охраны окружающей среды, 3) сотрудничеству в гуманитарных и других областях, 4) дальнейшим шагам после совещания. Заключительный акт содержит 10 принципов, определяющих нормы взаимоотношений и сотрудничества: суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; неприменение силы или угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела; уважение прав человека и основных свобод; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами; выполнение международно-право-

вых обязательств. Заключительный акт гарантировал признание и неприкосновенность послевоенных границ в Европе (что было на руку СССР) и накладывал на все государства-участники обязательства по соблюдению прав человека (это стало базой для использования проблемы прав человека против СССР).

ОСВ-2

Уход президента США Р. Никсона (1974) с политической арены после уотергейтского скандала нанес удар по политике, направленной против продолжения «холодной войны». В политике американской элиты по отношению к СССР начинается брожение, вызванное давлением правых сил, считавших разрядку ложной концепцией, способствующей (а не препятствующей) крушению американских позиций в мире. В феврале 1974 г. сенатор Голдуотер выразил кредо противников улучшения отношений с СССР: «Мы никогда не были в худшей позиции, чем сегодня... СССР превосходит нас в каждой категории вооружений... Мы были по глупости втянуты в договор о прекращении испытаний ядерного оружия и в переговоры ОСВ... Все это поставит США в позицию слабости».

Тем не менее к лету 1979 г. был достигнут советско-американский компромисс, зафиксированный в Договоре ОСВ-2, подписанном советской и американской сторонами в Вене 18 июня 1979 г. Он определял количество носителей стратегического оружия для обеих сторон.

Советский Союз, идя на компромисс, каковым являлся Договор ОСВ-2, жертвовал многим. Прежде всего СССР дал согласие сократить свои стратегические силы на 10%, отказался от ряда программ, находившихся на различных стадиях разработки или развертывания. Но и для Соединенных Штатов договор ставил существенные барьеры. Так, США вынуждены были ограничить численность баллистических ракет с разделяемыми головными частями (не более 1200 единиц), крылатых ракет (не более 3000 авиационных крылатых ракет). Об-

щее число носителей ядерного оружия фиксировалось цифрой 2250. Согласно протоколу к Договору ОСВ-2, запрещалось развертывание крылатых ракет наземного и морского базирования дальностью свыше 600 км. Обе стороны — СССР и США — заявили о том, что будут соблюдать его положения до тех пор, пока на нарушение его положений не пойдет противостоящая сторона.

Несомненно, что подписание Договора ОСВ-2 стало положительным явлением. Оно означало, что США считали исторически необходимым найти определенные ограничения в ходе гонки вооружений, что они утратили веру в возможность заставить СССР корректировать свой внешнеполитический курс ввиду стратегического превосходства США. Но осложнение американских отношений с Ираном, введение советских войск в Афганистан нанесли удар по разрядке и договорным отношениям.

Ввод советских войск в Афганистан

В апреле 1978 г. в Кабуле, столице соседнего с СССР Афганистана, произошел военный переворот. К власти пришла группа офицеров во главе с писателем Н.М. Тараки, лидером Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), ориентировавшихся на СССР и стремившихся построить в своей стране социализм.

Тараки получил экономическую и финансовую помощь от СССР. Тысячи советских советников прибыли в Афганистан. Декретами были проведены земельная, социальные и образовательные реформы. Но эта ускоренная программа не была осуществлена. Правительству не удалось создать себе опору среди населения. В марте — апреле 1979 г. началось восстание против нового режима. Правительство Тараки просило о вводе советских войск, но получило отказ. Один из членов нового афганского правительства Х. Амин, сосредоточивший в своих руках руководство карательными органами, жестоко, но безуспешно боролся с восстанием. 11 сентября 1979 г. состоялась встреча Л.И. Брежнева с Тараки, на которой советский вождь предложил снять с должности ненавистного народу Амина. Но Амин 14 сентября 1979 г. совер-

шил покушение на Тараки (был убит его адъютант), а 15 сентября на пленуме ЦК НДПА Тараки был освобожден от своих обязанностей и отправлен сначала под домашний арест, а потом в тюрьму. Генеральным секретарем ЦК НДПА и премьер-министром стал Амин. 8 октября 1979 г. Тараки был задушен в камере (официально было объявлено, что он умер от сердечной недостаточности).

Эти события изменили отношение советского руководства к Афганистану. Решение о вводе войск было принято членами Политбюро ЦК КПСС — Л.И. Брежневым, А.А. Громыко, Д.Ф. Устиновым (министр обороны), Ю.В. Андроповым, М.А. Сусловым. После долгого анализа ситуации они пришли к выводу, что подрывающие афганскую революцию силы в перспективе угрожают СССР. 12 декабря 1979 г. Политбюро единогласно приняло решение об оказании ДРА военной помощи на основании подписанного год назад советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве «путем ввода на его территорию контингента советских войск». 24 декабря 1979 г. на аэродроме Баграм, в 50 км к северу от Кабула, высадились части 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. 27 декабря 1979 г. советские десантники штурмом взяли дворец Амина, где тот был убит. Страну возглавил Б. Кармаль (ранее — посол в Праге). В Афганистан был введен «ограниченный контингент» советских войск (до 100 тыс. человек).

Но ввод войск, хотя и обезопасил советскую Среднюю Азию, не привел к нормализации ситуации в Афганистане.

Как это было

Бывший советник президента США по национальной безопасности Зб. Бжезинский вспоминал: «Президент Картер подписал первую директиву о тайной помощи противникам просоветского режима в Кабуле 3 июля 1979 года. И в тот же день я написал докладную записку для президента, в которой я ему объяснил, что, по моему мнению, эта помощь повлечет за собой советское военное вмеша-

тельство... Мы не заставили русских вмешаться, мы просто сознательно увеличили возможность того, что они это сделают. Эта секретная операция была отличной идеей. Ее целью было заманить русских в афганскую ловушку. В тот день, когда Советы официально перешли границу, я написал президенту Картеру вкратце: «У нас теперь есть возможность дать СССР свою вьетнамскую войну».

Исламистские противники кабульского правительства (моджахеды, как они называли себя, или душманы, как звали их сторонники законной власти ДРА) получали помощь Пакистана (на территории которого разместились базы и учебные лагеря), Саудовской Аравии (финансировавшей моджахедов) и США (поставлявших вооружения, боеприпасы, снаряжение, присылавших инструкторов). Гражданская война, в которую оказались вовлечены советские войска, затянулась на десятилетия.

Новый виток «холодной войны»

Пришедшая к власти в 1981 г. в США администрация президента Р. Рейгана взяла курс на создание ситуации стратегического превосходства над СССР. Ломка стратегического паритета и достижение Соединенными Штатами военного преобладания должны были стать предпосылками для возможности оказания политического давления на Россию. Значительно увеличивая свой военный потенциал, американская администрация пыталась решить несколько задач:

- достижение превосходства по основным показателям в военной области;
- укрепление позиций американской дипломатии на двусторонних переговорах с СССР и на многосторонних форумах с целью реализации внешнеполитических целей США за счет уступок со стороны противников и целенаправленного ужесточения своих позиций;
- втягивание Советского Союза в процесс гонки вооружений с целью отвлечения ресурсов в непроеизводительные сферы, ослабления советской экономики, затруднение связей СССР с социалистическими и развива-

ющимися странами, создание возможностей для экономического давления на СССР.

Американское руководство пошло по линии поиска новых участков борьбы против СССР — переноса военных действий в космическое пространство. Перед американскими вооруженными силами была поставлена задача: во-первых, защитить территорию США от нападения из космоса, создать «космический щит», во-вторых, создать возможность «ослепления» противника и быстрого уничтожения космических коммуникаций СССР. Эта программа получила название «Звездные войны».

Главным качественным ориентиром рейгановского военного строительства стало превращение прежней триады стратегических вооруженных сил в стратегическую систему, состоящую из пяти компонентов. К прежней триаде (межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты подводных лодок и стратегическая авиация) были добавлены еще крылатые ракеты морского, наземного и воздушного базирования и предназначенные для выполнения стратегических функций ракеты средней дальности.

Стратегия США преследовала цель изменить ситуацию ракетно-ядерного паритета двух великих держав. Программа противоспутникового оружия предполагала разработку и развертывание таких систем, которые позволили бы уничтожить находящиеся в космосе средства слежения потенциального противника, сделали бы для него невозможным наблюдение за перемещением вооруженных сил США, корректировку собственных оборонительных систем. В сентябре 1982 г. в военно-воздушных силах США было создано специализированное космическое командование. В июне 1983 г. космическое командование было создано в ВМС США. В 1984 г. начались испытания противоспутниковой системы АСАТ — качественно нового шага в космической технике. АСАТ представляет собой оружие, запускаемое с истребителя Ф-15, поднимающегося на значительную высоту. Это ракета, несущая специальную боеголовку, созданную для уничтожения спутников. Администрация Р. Рейга-

на считала, что США на этом пути сумеют значительно обойти СССР, поставить советские ракеты под прицел, оставляя свои средства нападения неуязвимыми.

■ *Документы эпохи*

■ *Из открытого письма А.Д. Сахарова Президиуму Верховного Совета СССР, председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу. 1980 г.*

...Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля...

■ *Заявление ТАСС о вступлении на территорию Чехословакии советских войск. 21 августа 1968 г.*

Дальнейшее обострение обстановки в Чехословакии затрагивает жизненные интересы Советского Союза и других социалистических стран, интересы безопасности государств социалистического содружества. Угроза социалистическому строю Чехословакии представляет собой вместе с тем угрозу устоям европейского мира.

Братские страны твердо и решительно противопоставляют любой угрозе свою нерушимую солидарность. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств.

■ *Из Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 1 августа 1975 г.*

VI. Мирное урегулирование споров

Они [страны] будут добросовестно и в духе сотрудничества прилагать усилия к тому, чтобы в короткий срок прийти к справедливому решению, основанному на международном праве.

В этих целях они будут использовать такие средства, как переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство или иные мирные средства по их собственному выбору, включая любую процедуру урегулирования, согласованную до возникновения споров, в которых они были бы сторонами.

■ *Из открытого письма А.Д. Сахарова Президиуму Верховного Совета СССР, председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу. 1980 г.*

...Военные действия в Афганистане продолжаются уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев — не только партизан, но, главным образом, мирных жителей — стариков, женщин, крестьян и горожан.

Также не подлежит сомнению, что афганские события кардинально изменили политическое положение в мире. Они поставили под удар разрядку, создали прямую угрозу миру не только в этом районе, но и везде. Они затруднили ратификацию договора ОСВ-2...

21. Культура и духовный климат во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.

Со второй половины 1960-х гг. наметились перемены в духовном климате советского общества. Показательные судебные процессы над И.А. Бродским (1964), А.Д. Синявским и Ю.М. Даниэлем (1966) вызвали ответную реакцию в советском обществе, в защиту обвиняемых выступили многие известные писатели. Стремление к свободе творчества рождало и потребность в развитии свободной личности. Проблема гражданской ответственности становится для многих проблемой нравственного, этического выбора.

Настроения «оттепели» в среде интеллигенции постепенно перерастали в настороженное и критическое отношение к существующему режиму. Власть проявляла неспособность и нежелание вести открытый диалог с обществом о путях дальнейшего развития страны. Появились признаки возврата к прошлому, тема преодоления последствий «культы личности» И.В. Сталина исчезла из печати. Рассматривался вопрос о новом пересмотре отношения к Сталину, тем более что в творческой среде у этих позиций были сторонники, группировавшиеся вокруг журнала «Октябрь». До открытой реабилитации

Сталина дело не дошло, но были приняты серьезные меры против тех, кто активно выражал несогласие с пересмотром политического наследия «оттепели». В 1970 г. редакцию «Нового мира» был вынужден покинуть А.Т. Твардовский. Непосредственным поводом грубого нажима на главного редактора журнала стали ходившие в самиздате списки поэмы «По праву памяти», направленной против сталинского режима и опубликованной на Западе. После ухода Твардовского «Новый мир» потерял репутацию носителя демократических настроений.

«Октябрь» также подвергся критике за «крайности» в издательской политике и низкое качество публикуемых произведений. Ликвидируя «крайности», власти стремились возродить единомыслие. «Толстые» литературные журналы имели огромную читательскую аудиторию, и контроль за их издательской деятельностью был действенным средством влияния на умы людей.

Сфера самиздата продолжала расширяться, для некоторых представителей творческой интеллигенции она стала единственной возможностью контакта с читательской аудиторией. Ряд известных советских писателей, чьи произведения не печатались в СССР, были вынуждены под нажимом властей уехать за границу. В 1974 г. из СССР был выслан выступавший с открытой критикой власти А.И. Солженицын, лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 г. В Нобелевской лекции, размышляя о призвании и об ответственности писателя, Солженицын выразил убежденность в том, что, «однажды взявшись за слово, уже потом никогда не уклониться: писатель — не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он — совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы, — то бурные пятна навек зашлепали лицо писателя... спасение человечества только в том, чтобы всем было дело до всего: людям Востока было бы сплошь безразлично, что делают на Западе; людям Запада — сплошь безразлично, что совершается на Востоке. И художественная литература — из тончайших, отзывчивейших инструментов человечес-

кого существа — одна из первых уже переняла, усвоила, подхватила это чувство растущего единения человечества... Одно слово правды весь мир перетянет. Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении закона сохранения масс и энергий основана и моя собственная деятельность, и мой призыв к писателям всего мира».

За рубежом оказались писатели В.П. Аксенов, А.Д. Синявский, В.Н. Войнович, С.Д. Довлатов, скульптор Э. Неизвестный, поэты А.А. Галич и И.А. Бродский, некоторые другие известные деятели культуры. Попытки группы писателей уже в конце 1970-х гг. наладить открытый выпуск неподцензурного издания — литературного альманаха «Метрополь» — натолкнулись на жесткое сопротивление власти и верхушки Союза писателей. Пересекавшиеся в годы «оттепели» «официальная» и «неофициальная» сферы культурной жизни стали заметнее расходиться друг с другом. В художественной среде четко обозначился водораздел между работавшими в рамках привычных идейных установок и теми, кто искал новые формы творческого самовыражения. Свобода творчества последними рассматривалась как высшее проявление свободы личности. Выражение внутренней свободы стало тем камертоном, по которому настраивалось «настоящее» (т. е. свободное) искусство.

254

Художественная жизнь 1970—1980-х гг. была, несмотря на жесткие цензурные ограничения, яркой и насыщенной. Крупные культурные события вызывали огромный интерес. Аудитория читателей современной литературы исчислялась миллионами, в литературе искали ответы на волновавшие общество проблемы. Поэзия постепенно отступала перед прозой, размышлявшей о духовном мире современника и об ответственности человека за свой моральный выбор. Печатавшиеся в «толстых» журналах произведения известных и любимых авторов передавались из рук в руки, книжные издания нельзя было купить в магазине, даже если они выходили многотысячными тиражами.

Огромный резонанс вызывали произведения, без прикрас, трезво рисующие нелегкую жизнь советской

деревни. Собираательно авторов называли «деревенщиками». Крупнейшие из писателей — В. Распутин, В. Белов, В. Шукшин, В. Астафьев, Б. Можаяев, С. Залыгин, Ф. Абрамов, В. Солоухин — оставили значимый след в русской литературе. Они следовали великой традиции русского критического реализма, стремясь изображать жизнь как она есть. Их творчество было пронизано высоким моральным пафосом. В ответ на урбанизацию и умирание деревни они призывали к раскрытию ценностей крестьянского мира, уважению к памяти предков и к преемственности поколений.

Уважение к отечественной истории, стремление вернуться к национальным корням выразились в успехах движения в защиту памятников истории и культуры. Его истоки относились ко второй половине 1950-х гг., когда активное городское строительство привело к массовому разрушению многих ценных архитектурных объектов, по размаху сопоставимому с уничтожением исторической застройки в 1930-х гг. Инициатором движения стал один из крупнейших отечественных специалистов-реставраторов П.Д. Барановский. В 1964 г. по его инициативе был создан клуб «Родина», члены которого безвозмездно работали на восстановлении Крутицкого подворья в Москве.

В 1965 г. при Русском музее в Ленинграде был создан клуб «Россия». Оба клуба повели активную просветительскую деятельность. Большое участие в ней принимали художники С.Т. Коненков и П.Д. Корин, писатели Л.М. Леонов и В.А. Солоухин, певец И.С. Козловский, космонавт А.А. Леонов, журналист В.М. Песков. В феврале состоялся учредительный съезд Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПиК). Спустя пять лет в обществе насчитывалось уже около 6 млн человек.

На рубеже 1970—1980-х гг. движение в защиту памятников истории и культуры вступило в новый этап, связанный с именем академика Д.С. Лихачева. Он выдвинул особое понятие — «экология культуры». Лихачев поставил задачу бережного сохранения не просто отдель-

ных памятников, а окружающей человека среды, созданной «культурой его предков и им самим». Этой заботе об экологии культуры в значительной мере были посвящены его книги «Заметки о русском» (1981), «Земля родная» (1983) и «Письма о добром и прекрасном» (1985), специально адресованные молодому поколению.

Опубликованная в журнале «Дружба народов» в 1976 г. повесть Ю. Трифонова «Дом на набережной» — рассказ о человеческой судьбе, исковерканной сталинской эпохой, — вызвала бурную общественную реакцию. Повести Трифонова о повседневной жизни и мироощущении горожан («Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание») также стали важным общественным событием. Сама тема была новой для современной литературы.

Продолжая традиции «оттепельной» литературы и кино, на экран вышли фильмы о духовном мире и гражданской позиции современника («Доживем до понедельника», реж. С.И. Ростоцкий, 1969, «У озера», реж. С.А. Герасимов, «Начало», реж. Г.И. Панфилов, оба 1970). Они чутко уловили общественную атмосферу начала 1970-х гг. и собрали огромную зрительскую аудиторию.

Массовый переезд горожан в отдельные квартиры сделал массовыми домашние библиотеки. Такие библиотеки собирались во многих семьях, в них непременно присутствовали собрания сочинений русских и советских писателей (М. Горький, В.В. Маяковский, А.Н. Толстой, М.А. Шолохов, К.Г. Паустовский были в числе самых читаемых советских классиков).

В стране существовал настоящий «голод» на хорошую книгу. Ежедневно (!) выходило 4,3 млн экземпляров книг и брошюр (более 1,5 млрд в год, данные 1971 г.), число наименований к концу десятилетия достигло 85 тыс. Но очень значительную часть этой продукции составляла общественно-политическая литература — произведения Маркса, Энгельса, Ленина, программные выступления руководителей КПСС, документы съездов и пропагандистские материалы. Их изучение входило в

обязательную программу старших классов школ, вузов и специально организованной системы повышения общественно-политической подготовки, в которую была вовлечена значительная часть взрослого населения. В таких мерах, которые должны были способствовать формированию «правильного» мировоззрения, власти видели эффективный путь контроля над умами людей. Открыто критиковать партийные установки и саму систему идеологического воспитания мало кто решался, но на протяжении 1970—1980-х гг. наблюдался стойкий рост скептического отношения к этим пропагандистским усилиям власти при внешнем соблюдении «правил игры». Именно в эти годы в среде интеллигенции укореняется «двоемыслие» — состояние внутреннего несогласия с идеологическими установками и с укладом жизни, который они порождали, при внешнем одобрении или примирении с действительностью, когда приходилось говорить одно, думать другое, а делать третье. Для многих уход в частную жизнь (означавший добровольное лишение возможности быстрого продвижения по службе и повышения уровня жизни) стал гражданской позицией.

Круг чтения и характер читательских предпочтений — яркая иллюстрация этого феномена. Художественной, учебной и детской литературы катастрофически не хватало. Несмотря на постоянный рост тиражей, рос и спрос на книги, и любое вызывавшее читательский интерес издание превращалось в дефицит. Особенно это касалось издававшихся небольшими для того времени тиражами стихов А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама, прозы М.А. Булгакова, М.М. Зощенко, А.П. Платонова и др. Тем не менее их книги или машинописные копии текстов были во многих домашних библиотеках. Чтобы утолить книжный голод, было предпринято грандиозное издательское начинание. В 1967—1977 гг. тиражом 300 тыс. экземпляров была издана «Библиотека всемирной литературы» — 200 томов, в которые вошли лучшие художественные творения от древнешумерского «Эпоса о Гильгамеше» до современности. После ее завершения было

начато издание «Библиотеки классики». Вершиной книгоиздательской деятельности была серия «Литературные памятники» издательства «Наука». Основанная в 1947 г. по инициативе президента Академии наук С.И. Вавилова для издания особо значимых в истории мировой литературы произведений серия первоначально адресовалась главным образом академическим кругам. На рубеже 1960—1970-х гг. эта серия становится поистине массовой — книги выходят сотысячными тиражами, часть изданий выпускается в карманном формате и мягкой обложке. Председателем редакционной коллегии серии «Литературные памятники» был академик Д.С. Лихачев. Современные авторы печатались в «толстых» журналах, на которые очень трудно было оформить подписку, и за этими изданиями выстраивались читательские очереди в библиотеках. Среди зарубежных писателей наибольшим спросом пользовались Э. Хемингуэй, Э.М. Ремарк, Дж. Лондон, М. Твен, А. Труайя и др. Обсуждение прочитанных новинок было частью повседневной жизни, а цитирование любимых произведений стало неотъемлемой частью речевого этикета близких по духу людей, способом узнавания «своих». Художественные вкусы и оценки формировали пространство общения и были своего рода пропуском в среду единомышленников.

258

Обостренный интерес к художественному творчеству, связанному со словом, отчасти компенсировал отсутствовавшую публичную политическую дискуссию. Не случайно в центре общественного внимания оказался театр. Театральное искусство переживало настоящий взлет. Яркий публицистический характер отличал постановки знаменитой московской Таганки (Театра на Таганке под руководством Ю.П. Любимова).

В иной стилистике работал Ленком (Московский театр им. Ленинского комсомола, которым с 1973 г. руководит М.А. Захаров). На его сцене в 1970-е гг. появились обращенные к молодежной аудитории мюзиклы, а в 1981 г. первая советская рок-опера «Юнона» и «Авось». Эта постановка бросила вызов привычным сценическим канонам и стала символом самозабвенного творческого

единения театра со своим зрителем. Настоящий расцвет переживал ленинградский Большой драматический театр (БДТ), в труппе которого режиссер Г.А. Товстоногов собрал созвездие замечательных актеров. Популярными у молодого зрителя были спектакли молодежных театров-студий и самодеятельное театральное творчество.

Неотъемлемой частью культурного багажа интеллигенции стало так называемое *интеллектуальное (авторское) кино*. Фильмы-притчи А.А. Тарковского («Андрей Рублев», 1966—1971, «Солярис», 1972, «Зеркало», 1974, «Сталкер», 1979) приоткрывали перед внимательным зрителем внутренний мир человека и приглашали к философскому осмыслению этого мира, к путешествию «внутрь себя». Мир новых художественных средств и новых подходов к осмыслению прошлого (а через прошлое — современности) открыли фильмы А.Ю. Германа, К.Г. Муратовой. Некоторые фильмы подолгу не выходили в прокат и тиражировались в очень небольшом количестве копий и с цензурными купюрами, но у них была своя преданная аудитория.

Ясность и оптимизм относительно возможностей, которые открываются перед человеком «нового общества», во второй половине 1970-х гг. постепенно сменились настроениями иной тональности. В центре внимания поколения «семидесятников» находились проблемы ответственности и морального выбора личности. Одно из самых ярких свидетельств смены общественных настроений — изменение тональности смеховой культуры. В 1960-е гг. неизменным участником дружеского общения был юмор. В молодежной среде было принято выказывать несерьезное отношение к серьезным делам, веселый настрой сопутствовал общим начинаниям. В газетах печатали юморески, в клубах проводили юморины (конкурсы юмора). Из таких инициатив на телевидении вырос знаменитый «КВН» («Клуб веселых и находчивых»), одна из самых популярных телепередач 1960-х гг., начавшая победное шествие по стране в форме студенческой самодеятельности. Передачу закрыли в 1971 г. Юмор стала быстро теснить разрушительная ирония, а затем — откоро-

венное издевательство над неэффективностью системы, пусть и высказанное эзоповым языком.

Не случайно любимым жанром советского кинозрителя стала комедия с социальным подтекстом. Подспудно копившееся недовольство медленным ростом уровня жизни и бытовыми трудностями, которые власти списывали то на «родимые пятна капитализма», то на просчеты местного руководства, то на неблагоприятные погодные условия, отражало растущее неверие в преимущества советского строя. Комедия фиксировала людские недостатки и социальные пороки, но постепенно менялись тональность показа советской действительности и характер изобразительных средств. Красноречивый пример — эволюция творчества одного из самых известных и любимых кинорежиссеров эпохи, Г.Н. Данелии: от фильма, ставшего символом «оттепели» («Я шагаю по Москве», 1964), и комедии «Не горюй!» (1969), которые отличает мягкая авторская ирония, через усиление элементов социальной сатиры («Афоня», 1975, «Мимино», 1978) до сарказма («Осенний марафон», 1979) и разоблачительного социального пафоса («Кин-дза-дза», 1986).

Общество умело смеяться над своими недостатками. Невероятной популярностью пользовались репризы А.И. Райкина, в которых высмеивались пороки людей — «бюрократов, ханжей, тунеядцев», но за ними с годами все явственнее проступали пороки системы. Фразы из монологов его героев («Бу' сделано», «Уже смеюсь», «В греческом зале») стали крылатыми.

На эстраде, по радио и телевидению выступали дуэты сатириков — Тарапунька и Штепсель (Ю.Т. Тимошенко и Е.И. Березин), Р.А. Карцев и В.Л. Ильченко. Редкий сборный концерт обходился без представителей этого жанра. На смену исполнителям легких сатирических зарисовок пришли писатели-сатирики, выступавшие с монологами собственного сочинения (М.М. Жванецкий, М.Н. Задорнов). «Монологи в образе» в исполнении Г.В. Хазанова стали олицетворением менявшихся настроений. Киносеансы предваряли выпуски сатирического киножурнала «Фитиль», огромную аудиторию имел ил-

люстрированный сатирический журнал «Крокодил». Фельетон стал непременной рубрикой и центральных, и местных газет. В повседневном общении прочное место занял бытовой и политический анекдот.

Образ «эпохи развитого социализма» прочно ассоциируется с творчеством поэта, артиста театра и кино, автора и исполнителя песен В.С. Высоцкого. Значение наследия поэта выходит далеко за рамки явления культурной жизни. Глубоко демократичное творчество Высоцкого было популярно в самых разных слоях, в его героях советское общество узнавало себя. Его тематические циклы посвящены памяти войны и самым разным сторонам повседневности — спорту, быту, друзьям, любви, людям, избравшим целью жизни преодоление трудностей и борьбу со стихией, — морякам, альпинистам, геологам. Советские реалии 1970-х гг. переданы с помощью узнаваемых метафор, за ними угадывается понятный всем социальный подтекст. Высоцкий воссоздал не только образ мысли, но и интонации «шестидесятников» и героев, пришедших им на смену. Для многих увлечение творчеством Высоцкого стало формой гражданского самовыражения и критического осмысления действительности, протестом против бытового и идейного конформизма. При жизни стихи поэта практически не издавались и тиражировались в виде магнитофонных записей его выступлений перед небольшими аудиториями слушателей в клубах и НИИ.

Высоцкий работал одновременно в поле подцензурной культуры (он был артистом Театра на Таганке, снимался в кино и писал тексты песен для кинофильмов и спектаклей) и культуры неофициальной. В 1970-е гг. эти две сферы все дальше расходятся и в темах, и в формах творческого самовыражения. Особенно ярко такое расхождение проявилось в изобразительном искусстве и в молодежной музыкальной культуре. Массовым увлечением советской молодежи стал рок — самое заметное направление неофициального искусства последних советских десятилетий. Первые рок-группы появились в СССР еще в начале 1960-х гг., но они играли зарубеж-

ную музыку, пропагандировали творчество своих кумиров — «Битлз», «Роллинг Стоунз». На рубеже 1960—1970-х гг. родились популярные советские рок-группы («Машина времени», «Цветы», «Скоморохи», «Аквариум»), музыканты исполняли песни собственного сочинения. В отличие от западного рока, где основную роль играл ритм, в молодой советской рок-культуре большую смысловую нагрузку несли тексты (что соответствовало отечественной культурной традиции). В песнях поднимались философские и социальные проблемы. Попытки власти поставить рок под контроль через систему официально зарегистрированных клубов не увенчались успехом: и музыканты, и зрители не готовы были поступиться обретенной свободой. В подцензурной культуре рок, как и авторская песня, не присутствовал, хотя популярность лучших отечественных групп была огромной, а записи песен широко тиражировались населением. Рок-фестивали прошли в молодом городе физиков Черноголовке под Москвой (1978) и в Тбилиси (1980), но в основном музыканты выступали от случая к случаю в школах, клубах, НИИ, на квартирах. Особенно жесткие запретительные меры принимались против столичных групп; в Ленинграде, где цензурный пресс в эти годы был несколько слабее, рок-культура чувствовала себя свободнее. Первый легальный концерт «Машины времени» в Москве состоялся только в 1985 г. в рамках XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

В условиях запретов на альтернативные формы художественного творчества общественно-политическое звучание приобрели выступления художников «другого искусства», хотя прямое противостояние официальной идеологии отнюдь не было целью их деятельности. В сентябре 1974 г. по распоряжению властей при помощи бульдозеров была разгромлена выставка картин, организованная на московском пустыре в Измайлово. Этот разгром вызвал очень острую реакцию на Западе, что негативно сказывалось на образе СССР в мире.

Открытое столкновение с Западом вокруг проблем культурной жизни в СССР было нежелательным. Тем

более что в эти годы предметом острых разногласий оставался вопрос о праве советских граждан эмигрировать в Израиль. В то же время в 1970-е гг. советское руководство провозгласило курс на разрядку международной напряженности. В этих условиях допущение определенной свободы творчества было веским аргументом в диалоге, оно отражало готовность пойти на некоторые не столь принципиальные, с точки зрения власти, компромиссы. Одновременно бурное обсуждение проблем свободы творчества в СССР, развернутое в западных средствах массовой информации, поддерживало повышенный интерес к альтернативной культуре внутри страны, через иностранное радиовещание («радиоголоса») отголоски дискуссии доходили до советской аудитории и подпитывали критические настроения. Власти сочли целесообразным разрешить небольшие экспозиции художников-неформалов (О. Рабин, В. Немухин, Л. и В. Кропивницкие, Л. Мастеркова и др.). Первые такие выставки состоялись спустя несколько недель после разгрома «бульдозерной выставки» в Москве и в Ленинграде. Выставку в павильоне «Пчеловодство» ВДНХ СССР, состоявшуюся в 1975 г., от толпы желающих попасть, не имевших пригласительных билетов, охраняла конная милиция.

При этом «идейно чуждое» искусство жестко критиковалось в печати. В дальнейшем для контроля над этой сферой неформального творчества создали официальные объединения (под эгидой Московского комитета художников-графиков), которые проводили небольшие выставки. В среде «другого искусства» родилось новое направление, получившее название *московского концептуализма*. Работы художников И. Кабакова, Э. Булатова, Д. Пригова, И. Чуйкова стали «визитной карточкой» альтернативного искусства последних советских десятилетий.

Московские художники стремились воспроизвести на плоскости холста и в концептуальных инсталляциях мир идей, а не мир вещей, и главной была идея свободы. Создавая пространство свободы, они широко исполь-

зовали текст и узнаваемые символы времени (лозунги, портреты вождей, государственную символику), отражавшие пространство «несвободы», за пределы которого стремился вырваться человек.

По аналогии с западным поп-артом родился *соц-арт*, интерпретировавший советские символы уже в иронической, гротескной форме (В. Комар, А. Меламид).

В создании московского авангардного искусства участвовало всего около 100 человек. Но при напряженности идеологического, культурного поля их деятельность стала предметом заинтересованности множества людей.

Эти творческие эксперименты оставались достоянием небольшой аудитории, однако самим фактом своего появления и характером реакции властей они оказали заметное влияние на духовный климат в советском обществе. Альтернативная культура, за редкими исключениями, не выражала открытого политического протеста, главным ее посланием миру было утверждение творческой свободы, свободы от жесткого идеологического канона. Многие произведения культуры подцензурной имели, напротив, ярко выраженную критическую тональность, и именно это обстоятельство определяло заинтересованное внимание к ним широкой аудитории.

Носителями открытого несогласия с режимом стали представители диссидентских движений. *Диссидент* в широком смысле этого понятия — человек, несогласный с установленными правилами и порядками; в СССР синонимами этого понятия стали слова *инакомыслящий* и *правозащитник*. Действительно, разных по политической ориентации представителей инакомыслия в СССР (среди них были сторонники либеральных и социал-демократических идейных течений, русские «почвенники», представители религиозного инакомыслия) объединяло утверждение человеческой свободы как высшей ценности и неприятие подавляющего такую свободу строя. После 1965 г., когда состоялась демонстрация и сбор подписей в защиту Синявского и Даниэля, и особенно после событий в Чехословакии в Советском Союзе появились раз-

личные организованные группы протестной ориентации и правозащитные организации. С апреля 1968 г. стала выходить машинописная «Хроника текущих событий», систематически информирующая о действиях защитников прав человека в СССР и о преследованиях их властями. Лозунгом правозащитного движения было соблюдение советских законов и международных соглашений, подписанных СССР, в особенности положений Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе о соблюдении и защите прав личности.

Диссидентов судили по новой статье Уголовного кодекса РСФСР за распространение «заведомо ложных измышлений», порочащих советский строй. Самых активных из них выслали из страны. Ряд деятелей культуры, свободно выехавших за границу на гастроли, за критические выступления были лишены советского гражданства и не смогли вернуться. Наиболее известными диссидентами были видный ученый, один из разработчиков водородного оружия А.Д. Сахаров, автор «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (июнь 1968 г.), и А.И. Солженицын, лауреат Нобелевской премии по литературе. В 1973 г. Солженицын обратился с «Письмом к вождям Советского Союза», где предлагал отказаться от губительной для России марксистской идеологии. Власти отреагировали высылкой писателя за границу в феврале 1974 г. Сахаров был вначале отстранен от работы, а в 1980 г. лишен звания Трижды Героя Социалистического Труда и выслан в Горький.

Вокруг оценки влияния правозащитного движения на нарастание политического кризиса советской системы до сих пор идут ожесточенные споры. Однако воздействие самого феномена диссидентства на духовный климат последних советских десятилетий многократно превосходило и численность самих диссидентов, и масштабы организованных ими акций.

Духовный климат конца 1970-х — начала 1980-х гг. отмечен ростом критических настроений в среде интеллигенции, которые усугублялись серьезными сбоями в

работе экономических механизмов и трудностями в социальной сфере.

Весь «послеоттепельный» период развития культуры насыщен яркими событиями. Интенсивно протекала духовная жизнь, сформировалось общее культурное поле заинтересованного интеллектуального взаимодействия. Культурная жизнь сама по себе была общественным явлением, в творческой среде вырабатывались общественно значимые идеи и ценности, становившиеся достоянием самой широкой аудитории.

■ *Документы эпохи*

■ *Из Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 1 августа 1975 г.*

VII. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений.

Государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Они будут поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития.

266

В этих рамках государства-участники будут признавать и уважать свободу личности, исповедовать, единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести.

22. Повседневная жизнь в эпоху развитого социализма

Уже к середине 1960-х гг. стало ясно, что планы «догнать и перегнать» США по важнейшим экономическим показателям и в короткий исторический срок «жить при коммунизме» реализовать невозможно. Об этой перспективе продолжали напоминать размещенные в общественных местах лозунги, доставшиеся в наследство от хрущевской эпохи: «Вперед, к победе коммуниз-

ма!», «Мы придем к победе коммунистического труда!», «Наша цель — коммунизм!». От цели официально не отказывались, но для идеологического обеспечения поступательного развития страны необходимо было сделать провозглашаемые приоритеты более реальными и при этом не утратить привлекательной исторической перспективы. В принятой на вооружение в программных документах КПСС в 1966—1971 гг. концепции развитого социализма этап коммунистического строительства приобрел неопределенно-длительные очертания. Магистральным направлением развития было названо совершенствование социально-экономических, нравственных и идеологических основ советской системы и гармонизация общественных отношений. Конкретных механизмов и сроков решения этих задач заложено не было. Мерилом достижений по-прежнему были прорывы на самых передовых рубежах науки и техники. Однако при такой длительной перспективе наступления «светлого завтра» особого внимания требовал вопрос о мотивации труда. В условиях стабильного поступательного движения, на которое ориентировал развитой социализм, эту проблему нельзя было успешно решать с помощью чрезвычайных мер или громких призывов. Поэтому обеспечение роста жизненного уровня людей стало важной политической задачей. Такой рост должен был подтвердить преимущества советской системы и ее динамизм, вселить в людей уверенность в завтрашнем дне. Это было тем более актуальным, что разрыв в уровне жизни между ведущими странами Запада и Советским Союзом оставался существенным, несмотря на наметившуюся в годы «оттепели» тенденцию повышения благосостояния людей. XXIV съезд КПСС провозгласил «повышение благосостояния народа... высшей целью экономической политики», этот рост предполагалось обеспечить в первую очередь за счет увеличения реальной заработной платы.

Согласно данным опросов общественного мнения последних лет (в СССР таких опросов не проводилось), 1970-е годы вошли в историю страны как самый благо-

получный период ее развития. Давая положительные оценки тому времени, люди старшего поколения отмечают присущее эпохе ощущение стабильности и жизненной перспективы. Чувство уверенности в завтрашнем дне вселяли зримые результаты поступательного развития — укрепление военной мощи СССР, рост производства, уровня жизни и реальных доходов. Люди стали лучше одеваться и питаться, потребление хлебопродуктов и картофеля сократилось, а мяса, молока и фруктов постепенно увеличивалось. Значительно выросло производство товаров широкого потребления. К 1980 г. более 100 млн человек смогли улучшить свои жилищные условия. Коммунальные квартиры по-прежнему были уделом значительной части населения, но их число продолжало стремительно сокращаться. Качество типового строительства по сравнению с привычными пятиэтажками стало расти.

Отдельная бесплатная квартира наконец стала нормой, и это привело к индивидуализации повседневной жизни. Двор как пространство общения теряет свое значение, и вместе с исчезновением вынужденного каждодневного общения с соседом по коммуналке из городского быта начинают исчезать перенесенные из деревни черты патриархального уклада. Круг общения постепенно сужается до собраний «по интересам». В этом узком кругу люди говорят то, что думают.

268

Это было важно для интеллигенции — теперь было где собираться и разговаривать доверительно, даже на «опасные темы»; в коммунальных квартирах, на коммунальных кухнях сталинских времен это было невозможно. Появляется практика «интеллектуальных сборищ». Характерно, что непременным атрибутом новой квартиры являлась домашняя библиотека.

В 1970-е гг. массовое строительство шагнуло за пределы бывших рабочих окраин в пригороды. Сюда расселяли жильцов коммуналок из центра города, и соседями по лестничной площадке оказывались люди самых разных профессий и социального положения. «Короткие» соседские связи постепенно уходили в прошлое.

Становилась более заметной разница в образе жизни, она опережала рост различий в устройстве быта. Несмотря на продолжавшееся увеличение численности городского населения за счет сельского (в среднем на 700 тыс. человек в год), в основном приезжих быстро поглощали так называемые спальные районы. По всей стране тиражировались многоэтажные дома типовых серий, в каждом городе появились свои Новые Черемушки (этот сюжет обыгран в фильме Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром», впервые вышедшем в 1975 г.).

Обстановка квартир тоже была в основном узнаваемой, поскольку промышленность выпускала одинаковые образцы мебели, бытовой техники. Поступавшие в торговую сеть импортную мебель и товары длительного пользования, обычно из стран социалистического лагеря, трудно было купить, такие товары в основном распределялись среди работников крупных предприятий и учреждений.

Популярный в начале 1960-х гг. минимализм стала вытеснять более удобная для жизни обстановка. Характерной деталью интерьера квартиры был, например, ковер на полу или на стене.

К 1985 г. 90 семей из 100 имели телевизоры (в начале 1970-х гг. — около 30). Вечер у телевизора стал излюбленной формой досуга. Советское телевидение вело активную просветительскую работу и стремилось удовлетворить запросы разных групп населения. Такие программы, как «Клуб кинопутешествий», «Кинопанорама», «Очевидное — невероятное», «Международная панорама», имели многомиллионную аудиторию. Они восполняли дефицит информации, в том числе и о мире за пределами СССР.

Ведущие ежедневной новостной программы «Время», которая выходила в эфир под звуки мелодии Г. Свиридова «Время, вперед!», И. Кириллов, А. Шилова, А. Шатилова, В. Балашов стали своими, близкими людьми в каждом доме.

Вся страна смотрела «Голубой огонек» — сборные концерты, в которых участвовали известные артисты и

«лучшие люди страны» — космонавты, передовики производства, любимые киноактеры и спортсмены. Среди развлекательных программ лидировал «Кабачок «13 стульев»: популярные артисты Московского театра сатиры инсценировали диалоги из жизни современных обывателей и пели под фонограммы эстрадные песни социалистических стран, в основном польские.

Передачу отличала нехарактерная для советского телевидения безыдейность. Трансляции международных соревнований по фигурному катанию и хоккею, где наши спортсмены достигли выдающихся результатов, смотрела без преувеличения вся страна. Всенародными любимцами стала сборная СССР по хоккею (А. Фирсов, В. Старшинов, А. Мальцев, тройка Михайлов — Петров — Харламов, вратарь В. Третьяк) и фигуристы И. Роднина и А. Зайцев, Л. Пахомова и А. Горшков, С. Четверухин. Телевидение являлось самым доступным «окном в мир».

Летом многие покидали квартиры, чтобы отправиться на дачу. В 1970-е гг. массовая раздача садово-огородных участков рассматривалась как доступный и быстрый способ повысить благосостояние людей. На бесплатно полученных шести сотках садовод должен был выращивать овощи и фрукты для личного потребления.

270

Раздавая участки, власти надеялись не только обеспечить «весомую добавку к столу трудящихся», но и организовать досуг в доступных для всех формах. Дачник-садовод стал знаковой фигурой времени, оттеснив туриста-походника. Пригороды больших городов превращаются в места массового отъезда на выходные, переполненные загородные электрички — характерная примета 1970-х гг.

Вместе с тем для все большего числа семей доступным средством транспорта становится личный автомобиль. Вплоть до второй половины 1960-х гг. личный автотранспорт был большой редкостью (к 1967 г. на тысячу семей приходилось всего 12 личных автомашин). На рубеже 1970-х гг. происходит настоящий скачок в

автомобилестроении, к 1971 г. общее число ежегодно выпускаемых в СССР машин впервые в отечественной истории перевалило за миллионную отметку. В последующее десятилетие выпуск легковых автомобилей вырос в 4 раза. После реконструкции заводов в Москве и Ижевске резко подскочило производство «Москвичей». Однако настоящим прорывом стало выведение на полную мощность на рубеже 1970-х гг. автогиганта в Тольятти. Здесь трудились над созданием «народного» автомобиля.

Как это было

По свидетельству тогдашнего генерального конструктора ВАЗа В.С. Соловьева, «мы, инженеры и художники, прежде всего постарались представить себе портрет будущего владельца автомобиля. Это отец семейства. Он перешел на «пятитдневку» и жаждет вывезти свою семью за город на субботу и воскресенье. Значит, салон автомобиля должен быть просторней, чем у «Москвича»... Водитель семейного «экипажа» далеко не ас шоссейных дорог, хотя нередко мнит себя таковым. Поэтому систему управления надо максимально упростить. Водитель, конечно, не очень опытный механик, то есть нужно свести до минимума количество точек, к которым можно подобраться с ключами. Необходимо, естественно, учесть и суровый климат, и разнообразие дорожных условий, и характер водителя. Какой же русский не любит быстрой езды? <...>

Практический смысл — вот главное. Покупатель все же иногда бывает не прав. Взять, например, такую «мелочь» — цвет автомобиля. По данным нашего центра стиля, большинство покупателей предпочитают темную внешнюю окраску машины. А статистика дорожных происшествий гласит, что темные автомобили в десять раз чаще, чем светлые, попадают в неприятности. В общем, новый автомобиль должен одновременно удовлетворять запросы покупателей, в том числе и эстетические, и развивать их».

В короткие сроки Волжский автозавод (ВАЗ) освоил производство модели ВАЗ-2101 — знаменитой «копейки», советского аналога модели итальянского ФИАТ-124. Эта машина стала самой популярной в стране, очередь на покупку «копейки» растянулась на несколько лет. В декабре 1973 г. с конвейера завода сошел миллионный автомобиль. В 1977 г. было налажено серийное производство внедорожника «Нива» (ВАЗ-2121), самого знаменитого детища тольяттинского автозавода, ставшего пионером в мировом производстве машин такого типа.

Инженерные специальности получали миллионы людей, и конструкторская мысль активно искала новые возможности развития.

Правда, далеко не всегда новинки внедрялись в производство. Путь бюрократических согласований был долгим, и разрыв между разработкой и внедрением опытных образцов в производство не только не сокращался, но продолжал расти. Это отставание, наряду с недофинансированием производства предметов потребления, не позволяло в полной мере удовлетворять и растущие потребности людей.

Медленный рост производства новых потребительских товаров и их часто невысокое качество были тем более заметными, что на ряде направлений, в первую очередь в сфере образования и науки, в эти годы были достигнуты впечатляющие успехи. В 1975 г. было введено обязательное десятилетнее образование, среднюю школу оканчивали практически все. К концу 1970-х гг. высшее и среднее (полное и неполное) образование имело около 80% городского населения старше 15 лет. В стране училось 5 млн студентов. Труднее всего было поступить в медицинские вузы и на гуманитарные факультеты университетов.

При поступлении предусматривались льготы для отслуживших срочную службу в армии и работавших на производстве. В 1973 г. был введен «конкурс аттестатов» — при поступлении в вуз стали учитываться школьные успехи. Эта мера была нацелена на то, чтобы поднять заинтересованность в результатах школьного

образования. Огромные средства продолжали вкладываться в подготовку кадров для промышленности, и по ряду популярных специальностей, в первую очередь инженерных, наметилось перепроизводство кадров. 4,5 млн человек работало в сфере науки и научного обслуживания, в том числе более 1,5 млн было занято непосредственно научной деятельностью. Это свидетельствовало о превращении научной работы в массовую профессию. Доля затрат на научные исследования достигла 3,74% ВВП (1985).

По-прежнему наиболее эффективными являлись научные исследования в сфере военных разработок. Огромные средства в условиях развернувшейся гонки вооружений страна была вынуждена тратить на развитие военных отраслей, что сокращало возможности финансирования гражданских отраслей.

В то же время стал увеличиваться уровень заработной платы: в 1970 г. средняя зарплата составляла 122 рубля, к концу десятилетия — 169 рублей. Особенно заметно выросли доходы занятых менее квалифицированным трудом, это было связано с катастрофической нехваткой рабочих рук на производстве. Зарплата дипломированных специалистов стала стремительно приближаться к уровню оплаты не требовавшей высокой квалификации работы. Возникшая в результате уравниловка снижала мотивацию труда представителей таких массовых профессий, как инженер, учитель или врач. В то же время престиж неквалифицированного труда оставался низким. Предприятия получили право набирать «по лимиту» рабочих из сельской местности и прописывать их в заводских общежитиях. Работа была в основном тяжелой, а уровень автоматизации заметно отставал от потребностей современного производства, особенно в сельском хозяйстве.

Низкая эффективность труда в этой отрасли, постоянный отток кадров в город и особенно огромные потери во время транспортировки и хранения урожая (до 40% от объема собранного) не позволяли наладить бесперебойное снабжение качественными продуктами питания. Чтобы как-то справиться с трудностями, ши-

роко использовалась «шефская помощь»: работавшие в городах (на заводах, в научных институтах) и особенно студенты вузов регулярно и в обязательном порядке привлекались на уборку урожая и на работу в овощехранилищах. Такой неэффективный и низкопроизводительный труд был близкой и понятной всем темой многочисленных анекдотов и сатирических произведений. «Перевернутые» приоритеты («стране нужна картошка, а наука подождет») отражены в монологе героя песни В.С. Высоцкого:

Товарищи ученые! Доценты с кандидатами!
Замучились вы с иксами, запутались в нулях!
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель на полях.
Вы можете прославиться почти на всю Европу, коль
С лопатами проявите здесь свой патриотизм.
А то вы всем кагалом там набросились на опухоль,
Собак ножами режете — а это бандитизм.
Автобусом к Тамбову подъезжаем,
А там рысцой — и не стонать!
Небось картошку все мы уважаем,
Когда с сольцой ее намять.

274

Особенно широкие масштабы практика обязательных сельхозработ приобрела в республиках Средней Азии, где из года в год возникали проблемы с уборкой хлопка. Школьники и учителя несколько месяцев проводили в колхозах, в результате заметно упал уровень образования.

Обычные продукты — мясо, молоко, масло — в конце 1970-х гг. стали исчезать с прилавков, особенно в больших городах и в сельской местности. Государственное централизованное снабжение не обеспечивало в достаточном количестве качественных и разнообразных продуктов. Голода в стране не было, продукты и предметы первой необходимости были доступны всем. Цены на них с 1961 г. оставались стабильными: хлеб стоил от 13 до 25 копеек за батон (в зависимости от качества му-

ки), буханка черного хлеба обходилась в 18—22 копейки, литр молока стоил 32 копейки, 1 кг мяса — 2 рубля, 1 кг масла высшего сорта — 3 рубля 60 копеек.

*Потребление основных продуктов питания
на душу населения в СССР (кг)*

Год	1961	1965	1970	1975	1980	1985
Мясо	39,6	43,7	48,6	60,5	60,1	65,2
Молоко	157,5	147,8	194,4	194,7	171,4	173,0
Яйца	7,0	6,7	8,8	11,8	13,5	14,6
Животные жиры	7,6	8,4	10,5	11,3	14,0	15,8

Хотя потребление росло, но в продаже многие продукты не появлялись. Их часто приходилось не покупать, а «доставать». На приобретение необходимого тратились немалые силы. Люди часами стояли в очередях, со всей страны приезжали за покупками в большие города, чаще всего в Москву, которая снабжалась несравненно лучше. Тем более это касалось товаров длительного пользования, особенно иностранного производства. Государственные цены на них были значительно выше, чем на аналогичные отечественные изделия, но спрос заметно превышал предложение. Такое положение было связано с издержками плановой экономики, которые, несмотря на предпринятые во второй половине 1960-х гг. попытки реформ, не удавалось преодолеть. Советская легкая промышленность слишком медленно меняла ассортимент, он морально устаревал, а качество произведенной продукции, особенно одежды, обуви и мебели, не соответствовало растущим запросам населения. Все активнее распространялась система привилегий: дома повышенного комфорта для руководителей, закрытые распределители, санатории и дома отдыха. Привилегии охватили все стороны жизни — от учебы детей в престижном вузе до получения книг «по особому списку» и возможности поездок за границу.

Рост денежной массы к началу 1980-х гг. оказался непропорциональным росту ее товарного покрытия.

В результате стали быстро расти денежные сбережения на счетах в сберкассах, люди откладывали деньги, чтобы потратить их в случае, если представится возможность. Непотъемлемой чертой повседневной жизни 1970—1980-х гг. стал товарный дефицит и не менее острая нехватка услуг. Это привело к бурному росту не учтенной государством и не облагаемой налогом сферы «теневой экономики».

Зародившаяся еще в конце 1950-х гг. «теневая экономика» распространилась по всей стране. Ее проявления были многообразны: обмен выпрошенными впрок у государства ресурсами, производство из этих материалов неучтенной продукции на государственных предприятиях или в подпольных цехах, последующая продажа их через государственные магазины без должного оформления, торговля сертификатами и чеками сети закрытых магазинов «Березка» и системы «Посылторга», которые получали работавшие за границей советские граждане. В городах на долю «теневой экономики» приходилось до 40% ремонта автомобилей и 30% ремонта бытовой техники, значительная доля услуг по ремонту квартир, пошиву одежды.

Широкое распространение получил «черный рынок», на котором циркулировали товары повышенного спроса, и натуральный обмен. Билеты на популярный спектакль могли обмениваться на медицинские услуги, возможность приобрести автомобиль вне очереди — на поступление ребенка в институт.

Своего рода «твердой валютой» стали дефицитные книги. Можно было не только «достать» их, но и получить право на их покупку в обмен на 20 кг собранной макулатуры (газет, книг, журналов). Такая практика широко распространилась в условиях роста книжного дефицита. Первым «макулатурным» изданием стал роман А. Дюма «Королева Марго».

Заметно вырос интерес людей к сфере потребления. Жилье, одежда стали приобретать более индивидуальные черты, хотя ассортимент пользовавшихся спросом товаров был по-прежнему ограниченным. Мода приходила с Запада, в основном через страны социалистического

лагеря: туда чаще ездили и в командировки, и по туристическим путевкам. Следовать моде требовало немалых усилий, но брюки клеш, юбки мини и макси, брючные костюмы и туфли на платформе были, несмотря на отсутствие такой одежды и обуви на прилавках магазинов, у каждой модницы 1970-х гг. Возможность разнообразить повседневную жизнь и несколько повысить ее качество давали поездки за границу. Поэтому престиж связанных с выездом за рубеж профессий — дипломатов, переводчиков, моряков, летчиков и стюардесс международных авиалиний — стал стремительно расти.

Характерно, что официальная пропаганда без устали критиковала «вещизм» и «потребительство», но пропагандистские усилия никак не сказывались на предпочтениях людей.

Повседневная жизнь заметно расходилась с идеологическими установками, представлявшими советский народ как единую социально-политическую общность, а политику государства как последовательное воплощение марксистских идей о социальной справедливости. Заметной становилась разница в качестве жизни разных групп населения, она определялась различиями не только в уровне доходов, но и в возможностях доступа к социальным благам.

Развитой социализм, особенно на «позднем» его этапе (в конце 1970-х — начале 1980-х гг.), оказался мало похож на переходную фазу коммунистического строительства. Уровень жизни заметно вырос, но распространявшиеся в советском обществе ценности и стандарты потребления не соответствовали задаче «воспитания нового человека». Установки официальной идеологии присутствовали на поверхности повседневной жизни, но они уже не могли диктовать образ мысли и поведения людей. Невозможным оказалось поддерживать такой уровень заинтересованности в результатах труда, который соответствовал бы задачам интенсификации производства. Индивидуализация быта ускорила процессы индивидуализации сознания, а сбои в работе экономической системы не позволяли обеспечить растущие потребности людей.

Информация к размышлению:**Период «застоя» и роль Л.И. Брежнева
в отечественной истории**

«Когда начался закат Советского Союза?» — задавался вопросом Дж. Боффа, известный итальянский журналист и историк, автор фундаментального труда «История Советского Союза», проживший в нашей стране немало лет. И в поисках ответа на этот непростой во всех отношениях вопрос он называл точную дату. Это 14 октября 1964 г. — день смещения Н.С. Хрущева. Исследователь полагал, что именно с этого момента начался медленный спад в эволюции нашей страны. Мы склонны видеть другую точку отсчета. Это 1975 год — год Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, прошедшего в Хельсинки. Это событие знаменовало пик могущества СССР. Никогда прежде наша страна не было столь влиятельной. Никогда прежде она не обладала такой мощью.

Но в соответствии с законами диалектики пик тенденции, как правило, знаменует начало ее упадка. Так стало и с огромной державой: находясь в зените славы и могущества, она начала медленное снижение, которое впоследствии сменилось крушением и распадом. Что же послужило причиной упадка?

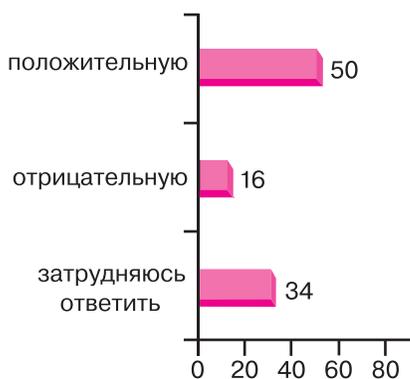
Нельзя не отметить, что обе упомянутые выше даты связаны с именем Л.И. Брежнева: 14 октября 1964 г. он был избран генеральным секретарем ЦК КПСС; в 1975 г. он от имени СССР подписывал документы Хельсинкского совещания. Как же случилось, что закат империи начался именно с этой фигуры? Почему время его правления, которое нередко определяют как «золотой век», впоследствии оказалось кануном распада?

О Л.И. Брежневе в первые 10 лет после его смерти было написано и сказано, кажется, все, что можно сказать негативного о политическом деятеле. Но когда в декабре 2006 г. исполнялось 100 лет со дня его рождения, практически все опубликованное и вышедшее на

телеэкраны оказалось если не прямо хвалебным, то весьма доброжелательным. Обозревая эти публикации и телепередачи, политолог и телеведущий Г. Павловский назвал Л.И. Брежнева «счастливейшим из покойников».

В целом позитивно относятся к Л.И. Брежневу большинство наших сограждан. По данным опроса Фонда «Общественное мнение», проведенного в декабре 2006 г., половина опрошенных считают, что Брежнев сыграл положительную роль в истории России.

Если говорить в целом, какую роль, на ваш взгляд, сыграл Л.И. Брежнев в истории нашей страны — положительную или отрицательную?

Почти все, кто оставил свои воспоминания о нем, — даже политические недруги — отмечают его достойные человеческие качества.

Как это было

Ф.М. Бурлацкий приводит следующий эпизод: «Н. Егорычев, бывший первый секретарь Московского горкома КПСС, потерявший свой пост из-за избыточных политических амбиций и прошедший остаток карьеры в качестве советского посла в Дании, вспоминал, что после освобождения с ключевого поста ему позвонил Брежнев и сказал примерно следующее: «Ты уж извини, что так получилось... Нет ли у тебя каких-то проблем — семейных или других?» Егорычев, у которого незадолго до этого дочь вы-

шла замуж и маялась без квартиры, имел слабость сказать об этом Брежневу. И что же вы думаете? Через несколько дней молодая семья получила квартиру. Брежнев ни в ком не хотел вызывать чувство озлобления».

Тот факт, что Брежнев охотно помогал в житейских делах, отмечают многие знавшие его люди. Так, бывший референт Брежнева А. Бовин писал: «Если иметь в виду человеческие качества, то, по моим наблюдениям, Брежнев был в общем-то неплохим человеком. Общительным, устойчивым в своих привязанностях, радушным, хлебосольным хозяином...»

Частный человек, волею судеб оказавшийся на высшем политическом посту? Отечественная история знает пример подобной коллизии — таким был последний российский император Николай II. Однако Брежнев не был частным человеком, случайно оказавшимся в политике. Открытость и благожелательность вовсе не отменяли в нем человека политического. «Добрым его назвать было нельзя, — вспоминал Л.М. Замятин, много лет проработавший в аппарате ЦК КПСС, — он был хитрым и коварным. Хотя разговаривать с ним было легко, но меня предупредили, что делать этого не стоит».

«Что Брежнев понимал прекрасно и в чем он был действительно великим мастером, так это в умении терпеливо тащить пестрое одеяло власти на себя. Тут у него не было конкурентов. Причем делал он это незаметно, без видимого нажима», — свидетельствует Бурлацкий.

Брежнев не был приверженцем «жесткой руки» в политике. Но он не был и «мякотелым Маниловым», как говорил о нем сталинский нарком Л.М. Каганович, — он скорее мягко стелил, но, как многократно убеждались его политические оппоненты, бархатная перчатка скрывала стальную руку — он был настоящим политическим бойцом.

Но если проблема Брежнева-политика состояла не в недостатке политической воли и политического искусства, то в чем заключалась его проблема? Название ключевой проблемы Брежнева точно совпадало с секретом

его политического успеха в продвижении на высший политический пост в стране. Этот секрет назывался *стабильность*. И прежде всего *стабильность кадров*. При Брежневе идея постоянной и разноплановой ротации кадров сменилась лозунгом их несменяемости — знаменитой стабильности.

Как это было

А.А. Громыко вспоминал: «Сильной стороной Брежнева был особый интерес к кадрам. Он и Хрущев в кадровых вопросах были в известном смысле антиподами. Хрущев считал необходимым постоянно переставлять людей с одного места на другое, часто создавая тем самым хаотическое положение на отдельных участках работы. Брежнев, наоборот, даже тех работников, которых в интересах дела, в интересах страны нужно было бы освободить и заменить новыми, оставлял на своих постах».

В предыдущих разделах книги отмечалось, что осуществление программы ускоренной модернизации экономики страны в раннесоветский период напрямую зависело от качества управленческих кадров, что определяло усилия высшего руководства страны по обеспечению эффективности управленческой элиты. Именно эта эффективность была одной из целей сталинских «чисток». Молодость не была помехой для назначения на высокий пост. Д. Устинов был назначен наркомом вооружения в 1941 г. в возрасте 33 лет, Н. Байбаков — наркомом нефтяной промышленности в 1944 г. в 33 года, А. Косыгин в 1939 г. в неполные 35 лет стал наркомом текстильной промышленности, а годом позже — зампредом Совнаркома, адмирал флота Н. Кузнецов был назначен наркомом ВМФ в 35 лет, В. Меркулов стал заместителем наркома в 34 года, В. Абакумов возглавил органы военной контрразведки (СМЕРШ) в 34 года, А. Зверев стал наркомом финансов в 37 лет, а Н. Патоличев — первым секретарем Ярославского обкома в 30 лет (1939), членом ЦК ВКП(б) — в 32 года (1941), а секретарем ЦК — в 37 лет (1946).

Позже на смену сталинским «чисткам» пришло сумасбродство Хрущева, излюбленным занятием которого стала кадровая перетряска. Помноженная на неумение разбираться в людях и неразборчивость в средствах, хрущевская кадровая политика привела к тому, что он пал жертвой заговора собственных выдвиженцев. Между тем смертельно уставшая от страха при Сталине и изнуренная хрущевскими перетрясками номенклатура жаждала покоя и стремилась к стабильности. Выразителем этих настроений и стал Брежнев. В результате когорты некогда молодых наркомов и молодых секретарей парткомов со временем превратилась в «геронтократию». Но это случилось позже, в 1980-е гг. А в середине 1960-х гг. эта когорта стремилась к стабильности. Именно как гарант стабильности и коллегиальности Брежнев был выдвинут к власти. Он оказался на властном Олимпе именно посредством выдвижения, а не захвата: «Что бы сейчас ни писали бывшие руководители, на Брежнева власть свалилась, как подарок судьбы... Он получил власть так плавно, как будто кто-то долго, загодя примерял шапку Мономаха на разные головы и остановился именно на этой» (Ф.М. Бурлацкий).

282

Фигура Брежнева показалась предпочтительной именно вследствие известной его тяги к компромиссам и репутации гибкого, не склонного к жестким методам управления руководителя. Компромиссность и коллегиальность стали важными дополнениями стабильности — не случайно Брежнева называли «флюгерным лидером».

Как это было

Ф.М. Бурлацкий вспоминает: «Свой рабочий день Брежнев начинал необычно: один-два часа посвящал телефонным звонкам другим членам высшего руководства, многим авторитетным секретарям ЦК союзных республик и обкомов. Говорил он обычно в одной и той же манере — вот, мол, Иван Иванович, вопрос мы тут готовим. Хотел посоветоваться, узнать твое мнение... Можно представить, каким чувством гордости наполнялось в этот момент

сердце Ивана Ивановича. Так укреплялся авторитет Брежнева. Складывалось впечатление о нем как о ровном, спокойном, деликатном руководителе, который ни шагу не ступит, не посоветовавшись с другими товарищами и не получив полного одобрения своих коллег».

Казалось бы, что же плохого в подобном коллегиальном стиле руководства? Время показало, что преимущества кадровой стабильности сочетались с пагубными последствиями для всей системы, поскольку, очевидно удобная для номенклатуры, эта стабильность обернулась для общества отказом от модернизации. Глубина проблемы заключалась в том, что к середине 1960-х гг. сложившаяся в СССР в 1930-е гг. политико-экономическая система мобилизационного типа продемонстрировала свою исчерпанность.

Эта система как инструмент решения чрезвычайных задач в чрезвычайных ситуациях блестяще продемонстрировала свои возможности в условиях политических, экономических и военных кризисов периода 1930—1950-х гг. Но к середине 1960-х гг. она предстала тормозом дальнейшего развития и требовала совершенствования в направлении большей гибкости, меньшей централизации, перехода от экстенсивных методов хозяйствования к интенсивным и, главное, переноса логики в принятии решений с политики на экономику.

Именно на это были нацелены предложения председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина по реформированию советской экономики. Вследствие сложившегося «разделения труда» в высшем эшелоне власти дальнейшее продвижение реформы во многом зависело от одобрения ее проектом первым лицом государства — генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым. Однако именно здесь новая система и дала сбой, ибо реформа была хороша всем, кроме одного: она угрожала стабильности. Руководитель государства оказался не готов к решению столь масштабной задачи по нескольким причинам.

Во-первых, сыграли роль объективные обстоятельства — открытие месторождений нефти и газа в Западной

Сибири, а также природных алмазов в Якутии, что существенно смягчило остроту проблем советской экономики. Но главное противоречие заключалось в том, что глубина проблемы реформирования системы управления требовала мощного и масштабного интеллекта, тогда как Брежнев не имел программы развития страны и интеллектуально не соответствовал масштабу стоявших перед страной проблем. Одной из характерных брежневских черт было то, что, как отмечал осведомленный современник, «он очень не любил читать и уже совершенно терпеть не мог писать».

А.А. Громыко писал, что знания Брежнева «не отличались глубиной. Не случайно он не любил разговоров на теоретические темы, относящиеся к идеологии и политике. Последние годы жизни он почти ничего не читал...»

Брежнев сам говорил о себе, что идеология не его сфера компетенции. «Моя сильная сторона — это организация и психология». Даже тогда, когда он еще был здоров и энергичен, глава СССР был неспособен осмыслить концептуально проблему кардинальной реформы методов управления. В этом контексте характерны его указания спичрайтерам, которых он, по свидетельству Г.А. Арбатова, предупреждал: «Пишите попроще, не делайте из меня теоретика... Ну кто поверит, что Брежнев читал Маркса?»

Не будучи готов сам к решительным мерам по реформированию системы управления, Л.И. Брежнев также не был готов поддержать предложения тех, кто понимал насущную необходимость реформы, и прежде всего А.Н. Косыгина. Наблюдатели полагали, что не последнюю роль в формировании подобного отношения к реформе сыграла аппаратная ревность к Косыгину, хотя воспоминания современников не подтверждают наличия у последнего каких-либо политических амбиций. Реакция Брежнева на предложения Косыгина о реформе системы управления была следующей: «Ну что он придумал? Реформа, реформа... Кому это надо, да и кто это поймет? Работать нужно лучше, вот и вся проблема».

Непосредственный участник обсуждения экономического положения страны в те годы председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков вспоминает: «Он остановил меня и сказал: «Николай, ну тебя к черту! Ты забил нам голову своими цифрами. Я уже ничего не соображаю. Давай сделаем перерыв, поедем охотиться».

Аналогичная судьба постигла подготовленный несколькими годами позже сотрудниками Госплана доклад о нарастании кризисных явлений в экономике и настоятельной необходимости перехода к преимущественно интенсивным факторам экономического развития: доклад вызвал негативную реакцию не только у руководства Совмина, но даже у А.Н. Косыгина, а руководству партии даже не был показан. В результате несбалансированность развития и корректировки плана стали хроническими: если в предшествующие годы коррекция планов была весьма редкой, то положение резко изменилось в период десятой и одиннадцатой пятилеток, когда корректировки превратились в серьезную болезнь планирования. Жесткие ограничения командной экономики стали причиной существенного снижения эффективности экономического развития и падения эффективности управления в целом. Управленческая машина продемонстрировала свою неэффективность даже на высшем уровне политического управления: большинство членов Политбюро, принимая решения, заранее знали, что многие из них выполнены не будут.

Такой была ситуация в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Возможно, в дальнейшем эта позиция сменилась бы более рациональным и здравым отношением, но позже роковую роль сыграла начавшаяся в 1974 г. болезнь Брежнева, после которой работоспособность лидера неуклонно снижалась.

Болезнь разделила правление Брежнева на два периода. В первом он энергичный, доброжелательный, гибкий и в целом компетентный руководитель, владеющий всем спектром методов политической борьбы, но использующий лишь «мягкие» технологии. Вдова академика А. Сахарова Е. Боннэр вспоминала, что Сахаров, часто

ранее встречавшийся с Брежневым как с секретарем ЦК КПСС, курировавшим военно-промышленный комплекс, неизменно отмечал компетентность и профессиональную состоятельность Брежнева.

Во втором периоде он большой человек, волею коллег продолжающий занимать «царское» кресло, — во многом потому, что ключевые игроки не договорились о разделе полномочий. По свидетельству Громыко, Брежнев неоднократно ставил вопрос о своей отставке по состоянию здоровья, однако всякий раз соратники отговаривали его.

А.А. Громыко вспоминал, что последние 2—3 года до кончины «он фактически пребывал в нерабочем состоянии. Появлялся на несколько часов в кремлевском кабинете, но рассматривать назревшие вопросы не мог. Лишь по телефону обзванивал некоторых товарищей...».

Болезнь способствовала усугублению человеческих слабостей, в частности страсти к наградам. Госсекретарь США Г. Киссинджер писал о встрече с Брежневым: «...Он показал нам с мальчишеской гордостью подшивку газетных вырезок и телеграмм от различных коммунистических руководителей по случаю присуждения ему Ленинской премии мира. Правитель с почти абсолютной властью, казалось, не видел никакого несоответствия, хвастаясь наградой от своих собственных подчиненных и поздравлениями от тех, чьи карьеры и политическое выживание зависели от него самого».

Эти и подобные им сюжеты послужили причиной того, что без малого 20-летний период правления Л.И. Брежнева впоследствии был определен как «застой». Но значит ли это, что страна не развивалась? Термин «застой» не следует применять расширительно, поскольку экономический рост продолжался: за период 1966—1985 гг. национальный доход вырос в 4 раза, промышленное производство — в 5 раз, основные фонды — в 7 раз. Несмотря на то что рост сельскохозяйственного производства составил за этот период лишь 70%, реальные доходы населения росли примерно теми же темпами, что и производительность труда. Они возросли в

3,2 раза; приблизительно в 3 раза увеличились производство товаров народного потребления на душу населения и розничный товарооборот. Иначе говоря, термин «застой» означал прежде всего нарушение здорового процесса обновления кадров в высшем руководстве страны, *геронтократизацию управления*, которые стали закономерным результатом практического воплощения установки на стабильность. Так брежневское 20-летие стало 20-летием упущенных возможностей.

Что касается исторической оценки главного героя этого периода, то весьма точным в этом контексте является мнение Г. Киссинджера о Брежневе: «Я считаю, что он был искренен в своем желании дать передышку своей стране. В чем я не уверен, так это в цене, которую он готов был заплатить за это».

Таким образом, даже в «золотой век» советской истории, предоставивший редкую для отечественной истории возможность «передышки», стал одновременно прологом заката страны; сама «передышка» во многом оказалась иллюзией: острота мировой конкуренции не снижалась, поэтому разработка эффективных технологий управления страной оставалась актуальной задачей. Главной проблемой брежневского руководства стала неудача в нахождении новых методов и технологий управления страной, утрата динамизма.